

ВАЛДЕМАР ЛЮФТ

ЧУЖОЙ ПОЕЗД

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ

Валдемар Люфт

Чужой поезд. Сборник повестей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28744868

ISBN 9785449024992

Аннотация

В сборник включены четыре повести. Странная деревня, затерянная в белорусских лесах. Здесь всё еще функционирует колхоз, есть председатели колхоза и сельсовета, командует идеологией парторг. Герой повести «Чужой поезд», попав после драки с хулиганами в этот мир прошлого, ищет выход из него. В повести «Старая дура» женщина, достигнув пятидесятилетнего юбилея, вдруг сталкивается с незнакомым мужчиной... и влюбляется в него. После многих лет одинокой жизни, ей трудно в этом себе признаться. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Об авторе	5
Чужой поезд	8
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Чужой поезд

Сборник повестей

Валдемар Люфт

Дизайнер обложки Полина Терёхина

© Валдемар Люфт, 2018

© Полина Терёхина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2499-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Родился 13 октября 1952 года на юге Казахстана в Джамбулской области. Предки – немцы Поволжья. В юности печатался в районной и областной газетах. Был членом литературного объединения «Звездоград» на Байконуре. После службы в армии учился в строительном техникуме. В 1987 году окончил Высшую Школу Профсоюзного Движения (ВШПД) в Москве. По образованию экономист. Работал плотником, монтажником, прорабом, диспетчером строительного управления, председателем профкома. В 1994 году переехал в Германию. Живёт в городе Биберах, Баден-Вюртемберг.

Публиковался в журналах «Зарубежные записки», «Крещатик» и «Контакт-шанс» (Германия), «Московский вестник», «День и Ночь» и «Дальний Восток» (Россия), «Венский литератор» (Австрия), «Метаморфозы» (Белоруссия), в русскоязычных газетах «Зарубежные задворки», «Новые земляки» и «Районка», в альманахах «Пенаты», «Литературные страницы» (Германия), «Landsleute» (Лейпциг), «WellenKunst (t) räume» (Вена). Публикации на сайтах «Зарубежные задворки», «Русский переплёт», Prosa.ru.

Изданные книги: «Возвращение», издательство «Алтейя», Санкт-Петербург, 2006. ISBN 5-89329-818-5; «Несвятая Мария... и другие рассказы», издатель-

ство образовательного центра «Родник», Висбаден, 2008. ISBN 978-3-933673-52-6; «Ночной транзит», издательство «Алетейя», Санкт-Петербург, 2009. ISBN 978-5-91419-259-1; Das Wort und die Seele (Sammelbuch), издательство Unsere Welt, Розенхайм, 2009; «Московский расклад», детективные повести, издательство BMV Verlag Robert Burau, Lage, 2009. ISBN 978-3-935000-70-3.

Изданные книги в электронном варианте:

«Последний клиент» – детективные повести, издательство «Соотечественник», Вена, 2013; «Параллель» – сборник рассказов, издательство «Соотечественник», Вена, 2014; Das Lenindenkmal – Amazon.de.

Мультимедийное издательство Свербицкого издало в 2016 году: «Чужая женщина», «Памятник Ильичу», «Встреча», «Уходящий ангел» и в 2017 году: «Стройбат», «Несвятая Мария (страницы жизни)».

Награждён дипломом Международного литературного фестиваля «Литературная Вена 2009» за вклад в дело поддержки и продвижения современной русской литературы. Лауреат Международного литературного конкурса «Литературная Вена 2013» в номинации «Проза». Диплом первой степени в номинации «Проза» Международного литературного конкурса имени Роберта Вебера, Москва. Диплом Международного литературного конкурса журнала «Метаморфозы», Гомель, «Семья – всему начало» в номинации «Фэнте-

зи», 2014. Грамота «За художественное мастерство» по итогам Международного литературного конкурса имени Александра Куприна в номинации «Лучшая повесть или рассказ», 2016.

Адрес: Banatstrasse 47/2, 88400 Biberach an der Riss

Телефон: +49 (0) 7351—17681

Мобиль: +49 (0) 17642604490

Скайп: Waldemar.luft1

Емайл: luftwaldi1@mail.ru

Чужой поезд

Анатолий возился на даче. Он устал после работы, но надо было подготовить грядку под редиску, и он зло втыкал лопату в грунт, с усилием выворачивал пласт земли, бросал его назад и двумя-тремя ударами разбивал слежавшуюся за зиму землю на мелкие кусочки. Обижаться на землю было не за что. Настроение в конце рабочего дня ему испортил шеф. Надо же, именно на праздники надумал послать в командировку. Анатолий с силой разбил очередной пласт и вслух зло проговорил:

– Эх, не в Союзе мы! А то бы я тебе всё сказал, что о тебе думаю.

В последнее время ему всё чаще и чаще ностальгически хотелось назад, в Советский Союз. После десятка лет, прожитых за границей, на своей исторической родине, та, прежняя, жизнь казалась ему теперь лучше и проще. Забылись очереди в магазинах, талоны на дефицитные товары, антиалькогольная программа, забылось напрочь всё, от чего по настоянию жены и родственников когда-то уехал. В памяти осталось только хорошее, которое всё больше и больше выпячивалось в сознании, заслоняя нищету и униженность прошлых лет.

Так сложилось, что за все эти годы жизни в Германии ему никак не удавалось съездить на свою прежнюю родину.

Он с интересом слушал рассказы родственников, ездивших в Казахстан или в Россию, о той далёкой и незнакомой теперь жизни. Из всего услышанного почему-то сразу же отсеивалось и забывалось всё негативное, а положительное, интересное приобретало решающее значение. Постепенно Анатолий начал думать, что люди в России живут лучше, чем он в Германии. Тем более что русское телевидение транслировало фильмы с хорошим концом. Золушки в них, как правило, становились принцессами, коррумпированные чиновники либо превращались в ярых борцов за справедливость, либо рано или поздно оказывались на скамье подсудимых.

Обозлиться на своего шефа Анатолию было за что. Их фирма поставляла в Белоруссию новое оборудование. Линия была закончена, опробована на месте и запущена в производство. Неделю назад неожиданно от заказчика пришёл факс о каких-то неполадках. Гарантийным обслуживанием от фирмы занимается специальная группа. Но так случилось, что из пяти человек этой группы двое уже были в командировке где-то в районе Красноярска, двое перед праздниками срочно «заболели» и один уже неделю находился в отпуске. Вспомнили, что Анатолий знает русский язык, что именно он проектировал и изготавливал опытные образцы деталей, из-за которых начались сбои на линии, и шеф, долго не раздумывая, вызвал его из цеха и предложил ему поехать и разобраться в случившемся. Конечно, Анатолий мог бы найти причину, чтобы отказаться, но промолчал и теперь

злился и на шефа, и на себя. Он понимал, что за пару дней там не управиться, придётся работать всю неделю, прихватив субботу и воскресенье. Как раз на праздники! Но в Белоруссии это просто выходные: Пасха у православных в этом году выпадала на две недели позже. Обидно. Он так ждал эти четыре свободных дня. Уже запланировали с женой поездку и договорились встретиться с родственниками во Франкфурте. Теперь придётся ей набиваться к кому-нибудь в попутчики. И Анатолий ругал и себя, и шефа последними словами.

Жена, узнав о командировке, естественно, устроила скандал. Ещё больше накалил обстановку её упрёк в том, что он обещал до праздников вскопать этот злосчастный кусок земли на даче, где жена собиралась высадить лук и редиску, но у него всё время находились причины, чтобы отложить эту работу на потом.

Закончив копать, Анатолий вернулся домой и стал собирать вещи в дорогу. Жена из протеста ушла в зал, включила телевизор и, добавив громкость, улеглась на диване. Анатолий сложил в сумку несколько рубашек, пару футболок, смену белья, двое джинсов, спортивное трико, несколько пар носков, начатую книгу и ещё кое-какую мелочь: командировка всего на неделю, так что нет нужды брать с собой много вещей. И тем не менее мало-помалу сумка наполнилась. Спать лёг рано, не дожидаясь жены.

Ночь была для него беспокойной, хотя обычно он спал хо-

рошо и утром мало что помнил из приснившегося. В эту же ночь его замучили разные сны. Он просыпался, ясно помня то, что снилось, думал: «К чему бы этот сон?», в тревоге засыпал, видел другой сон и опять просыпался с беспокойством в душе. Не то чтобы сны были плохими, напротив: они возвращали его в прежнюю жизнь, о которой он начал постепенно забывать. Сначала приснилось, что он работает на экспериментальном заводе и как раз получил повышение по службе. Теперь ему положен был отдельный кабинет с приемной и секретаршей. Во сне Анатолий шёл с секретаршей по коридору и давал ей поручения, касающиеся новой мебели для кабинета. Потом уже оказался в кабинете, сидящим в удобном кресле у большого полированного стола, к которому был приставлен длинный – для совещаний. Все стулья в комнате были заняты. Он видел лица, которые узнавал, но не всех помнил по имени. Кто-то из них когда-то руководил им, но теперь именно он оказался тем единственным, которому доверили ответственный пост. Анатолий даже во сне чувствовал, как от гордости распирает грудь. Особенно приятно было видеть своих бывших начальников, которые сидели смиренно, как ученики в первом классе, подобострастно заглядывая ему в лицо и пытаясь уловить настроение начальника.

Совещание так и не началось: Анатолий проснулся. Он попытался вспомнить, о чём всё-таки должно было быть совещание, но не мог. Однако на душе было тепло и прият-

но, и он ещё несколько минут бодрствовал, наслаждаясь чувством чего-то достигнутого...

В следующем сне он оказался на опушке леса. Откуда-то пробивался еле слышный звук работающего трактора, который вовсе не заглушал весёлого птичьего щебета, шума листвы, писка снующих в траве полевых мышей. Эти звуки были громкими и почему-то отдавались ещё и эхом. Анатолий шёл по траве на приглушённое тарахтенье мотора, но лесные звуки становились всё явственнее, а тарахтенье постепенно стихало, пока, наконец, совсем не исчезло. И тогда неожиданно его охватили страх и тоскливое чувство одиночества. Радостный щебет птиц сменился уханьем совы и карканьем ворона; вместо шума листвы послышался треск падающих деревьев, а писк мышей перерос в злобное урчание неведомых зверей.

Он проснулся в испарине, ещё явственно слыша страшные звуки. Подумал: «К чему бы этот кошмар?» – и опять провалился в сон.

Но сновидения на этом не кончились, и новый сон был вообще непонятным.

...Он стоял у наковальни. Слева от него синим пламенем жарко горели угли, в которых торчала полоса железа. Вынув светящуюся сине-жёлтым цветом полосу, Анатолий размеренными ударами стал бить по ней небольшой кувалдой. Железо на глазах становилось острым лезвием какого-то предмета.

Даже во сне он чувствовал, как напрягаются мускулы, как течёт между лопаток пот, как волнами бьёт в его тело жара от наковальни и железной полосы. Он получал истинное удовольствие от работы, а железная полоса превращалась в обоюдоострый меч.

Ещё ему было приятно присутствие кого-то второго, которого он не видел, но который был рядом и раздувал меха, отчего огонь в углях вспыхивал ярче. С каким-то странным вздохом язычки синего пламени устремлялись вверх, тут же сжимались до обычного размера, обдавая при этом очередной волной жары. Этот второй, его молчаливое участие в работе вдохновляли Анатолия, и он решительно бил кувалдочкой. Такое чувство он испытывал иногда и наяву, когда делал что-то важное на работе или дома, ощущая спиной чей-то одобрителный взгляд...

Проснулся Анатолий рано. Всё приснившееся, на удивление, помнил досконально и продолжал думать о снах, когда чистил зубы, стоял под душем, затем одевался и варил кофе. Занятый своими мыслями, он не заметил, как жена прошла в ванную комнату и очнулся лишь тогда, когда она вошла в кухню и приветливо с ним поздоровалась. По-видимому, уже простила ему и командировку, и что спал в другой комнате, и его нерешительность в разговорах с начальством. Анатолий с удовольствием остался бы на часик дома, но надо было ехать на вокзал.

– Отвезёшь меня к поезду? – спросил он жену.

– Конечно, милый, – дружелюбно ответила она.

По дороге на вокзал он вкратце рассказал о своих ночных сновидениях.

– Странные сны, – подивилась жена. – Я спрошу у Софьи, что они значат, у неё есть сонник.

На вокзале жена торопливо чмокнула его в щёку и уехала домой. Была нерабочая пасхальная пятница, и за ней должен был заехать двоюродный брат, который повезёт её вместе со своей семьёй во Франкфурт к родственникам.

Анатолий пристроился в конец короткой очереди к кассе-автомату и через несколько минут, сунув в прорезь новенькую банкноту, получил проездной до Мюнхена. Билеты на самолёт в Минск и обратно ему ещё вчера вручила симпатичная секретарша шефа. Он вполне успевал к регистрации в аэропорту, если поезд нигде не задержится.

Поезд пришёл строго по расписанию. Пассажиров было мало, и Анатолий занял место у окна. Состав тронулся. Колёса едва слышно стучали на стыках, и он, задумавшись, смотрел через оконное стекло невидящим взглядом. В голове рождались неспешные мысли, вызывая из глубин памяти ненавязчивые, ничего не значащие картины. Одна за другой они мелькали перед внутренним зрением и бесследно исчезали, вызывая ассоциации. Сознание регистрировало каждую и сопровождало своеобразными комментариями. В уме возникла его чертёжная доска в отделе, и он подумал, что надо бы уже освоить программу и начать чертить планы в ком-

пьютере – быстрее и легче исправлять. Затем промелькнул станок, на котором вытачивал им же спроектированные детали, и он вспомнил, что хотел пригласить мастера – что-то не ладилось в шестерёнках и появился посторонний шум. Без всякой связи с предыдущими образами выплыло вдруг приветливое и бесхитростное лицо соседа итальянца, и сознание с досадой отметило, что Анатолий забыл поздравить его с рождением внука. А злополучная грядка на даче, которую, слава Богу, успел вскопать перед отъездом, вызвала приятный запах шашлыка и вкус домашней клубники.

Неожиданно мысли свернули на далёкое прошлое. Вспомнились запахи военного посёлка, где он жил до отъезда на Запад. Особенно приятен был запах дождя после долгого летнего зноя. Как радовались там каждому дождю. Здесь, в Германии, наоборот, радуешься каждому жаркому дню. Пришла на память и прохлада озера, на берегу которого был выстроен современный посёлок. Как был он счастлив, когда после длинного рабочего дня шёл с детьми купаться. Промелькнули лица знакомых, живших в этом пригородном посёлке и работавших с ним на новом секретном заводе. Проплыли фотографии, выставленные его земляками на сайте «Одноклассник», которые он часто просматривал. На снимках дома посёлка с упрёком глядели пустыми глазницами, а когда-то асфальтированные дороги щетинились камнями и щебёнкой. Невесёлая панорама вызывала грусть и ностальгию.

Похоже, мысли нашли зацепку, и Анатолий с тоской стал вспоминать молодость, время, когда он чувствовал себя нужным людям и, как ему казалось, был занят интересной работой. Мучительно захотелось туда – в посёлок, в свой кабинет или в цеха, где работали простые рабочие с интересными судьбами и разными характерами. И, как обычно случалось в последнее время, он загрустил по прошлому.

Внутри накапливалась обида на жену за когда-то принятое без него решение уехать в Германию. Крепла убеждённость в том, что, если бы не поддался на уговоры, всё повернулось бы по-другому: новый посёлок не стал бы хиреть и разваливаться, люди были бы по-прежнему счастливы в своих удобных квартирах, в них остался бы энтузиазм строителей будущего. Мелькнула мысль: «А дефицит? А безденежье?», – но он привычно отмахнулся от неприятных вопросов и напоминаний рассудка. В его памяти уже не существовало этих острых, давних проблем. Реальность смешивалась с иллюзиями, и в сознании эта смесь превращала прожитое прошлое в идиллию.

Идеализируя его, Анатолий не воспринимал возражений разума, и потому ностальгия по покинутым когда-то местам разрослась до нестерпимого. Одновременно закипала злость на его теперешнюю жизнь, на родных, которые радовались переезду на историческую родину и у которых, по их словам, всё складывалось прекрасно. Росло недовольство шефом, работой, германскими порядками, здешней погодой с часты-

ми дождями и ещё многими, в принципе, безобидными факторами. Даже мелькающие за окном зелёные ухоженные поля вызывали раздражение.

В Мюнхене Анатолий перешёл на линию метро, откуда электричка за несколько минут довезла его до аэропорта. Регистрация ещё не начиналась, и он, купив газету, сел на свободную скамейку. За чтением время пролетело быстро. Он без проволочек прошёл регистрацию, таможенный контроль, высидел положенное время в «предбаннике» -накопителе и вскоре занял место в самолёте. Взревели тысячесильные моторы, и, прижав пассажиров к сиденьям, самолёт уверенно взмыл ввысь.

В иллюминаторы были видны аккуратные квадратики полей, затем окраина города ушла куда-то в сторону, маленькие городки постепенно становились игрушечными, исчезали в тумане. Набирая высоту, самолёт прорезал тучи, несколько раз трянуло, провалились в воздушную яму, и вдруг открылась бескрайняя голубая даль. Исчез натужный рёв моторов – они загудели ровно и стали слышны другие звуки: клацанье расстегивающихся ремней безопасности, чей-то облегчённый смех, негромкий разговор стюардесс в передней части салона. Хлопнула дверь в туалет. Началась привычная жизнь в полёте. Случайно оказавшиеся рядом пассажиры знакомились друг с другом, милостивые девушки в форменной одежде разносили напитки, по внутренней связи представился командир экипажа, некоторые пас-

сажиры развернули прихваченное с собой чтиво и углубились в чтение, некоторые тут же откинули сиденья и, закрыв глаза, пытались уснуть.

Анатолий попросил у стюардессы немного коньяка, с удовольствием выпил, развернул газету, но читать не стал.

Рядом сидели и оживлённо разговаривали две девушки. Вернее, говорила одна, а другая покорно слушала тарахтенные соседки. Говорящая выглядела простовато, а её речь была примитивна. Она рассказывала о вечере в диско, о выпитом, о знакомствах, периодически вставляя «бля», и каждую фразу, коротко хихикнув, начинала словами «представь себе». Постоянное повторение этого словосочетания начинало нервировать Анатолия, да и его молчаливая соседка, похоже, тоже устала от своей назойливой подруги. Она была немного старше, в строгом брючном костюме, и короткая причёска шла к её красивому смуглому лицу. Иногда она вынуждена была отвечать на вопрос соседки, и голос её звучал мягко.

Пытаясь отвлечься от назойливой болтовни девицы, Анатолий начал вспоминать свою прежнюю работу в Казахстане. Он трудился в конструкторском бюро. Но началась перестройка, и в их контору стало поступать всё меньше заказов. А потом Союз развалился, и контора тоже развалилась – разработки для военной промышленности стали никому не нужны. Инженеры и высококлассные слесари один за другим перебрались в расплодившиеся частные фирмы, благо крупный промышленный город находился недалеко

от их нового военного посёлка. Тех, кто продолжал приходить в контору на работу и всё ещё надеялся на лучшие времена, в конце концов, уволили. Новые хозяева успешно приватизировали и удачно продали современные высокоточные станки экспериментального цеха и переоборудовали его под тренажёрный зал. В самой конторе, перепланировав и убрав ненужные перегородки, на первом этаже открыли ресторан, а на втором – публичный дом.

Возвращаться памятью в те времена Анатолий не любил. Потому, наверно, постепенно забылось унижительное стояние у биржи труда в надежде подрядиться хоть на какую-то работу. Забылись долгие разговоры на тему «где взять деньги», чтобы приодеть детей к началу учебного года, усталые глаза жены, пахавшей в ларьке у новоявленного бизнесмена по двенадцать часов без перерыва. Он намеренно забыл обо всём плохом, негативном и даже при малейшем намёке на воскресавшую память тут же чем-нибудь отвлекал себя. Вот и теперь, испугавшись картин прошлого, спешно развернул газету и стал читать первую попавшуюся статью. Текст не заинтересовал, и Анатолий, откинувшись на подголовник, снова прикрыл глаза. К счастью, память вернула его в первые месяцы на германской земле.

Анатолий упорно не хотел признаваться себе, что ему, в принципе, повезло. После языковых курсов он неожиданно получил приглашение на работу по специальности, с хорошим окладом, в солидную фирму, выпускавшую мощную

строительную технику и оборудование для бетонных заводов. Жена тоже трудоустроилась – в фармацевтическую фирму, где сначала мыла пробирки, но постепенно продвинулась по служебной лестнице и уже бригадирствовала над двадцатью сотрудницами.

Вдруг Анатолий впервые задал себе вопрос: почему он так недоволен жизнью в Германии? Что гнетёт его все эти годы? Почему так тоскует по прошлым советским временам? Мозг стал усиленно искать ответы на эти вопросы, но не находил. В поисках истины Анатолий хаотично блуждал мыслями то в прошлом, то в настоящем, прикасаясь к чему-то далёкому, неосознанному. Какая-то догадка начинала брезжить в сознании, но точный ответ, который бы удовлетворил и, может быть, успокоил, так и не находился. Всё было около, поверхностно, и это было самым мучительным во всех размышлениях. Чем плоха жизнь в Германии, на его исторической родине? Живёт в собственной квартире, относительно неплохо зарабатывает. Общий семейный доход позволяет им с женой считать себя средними бюргерами – не богатыми, но и не бедными. Они могут себе позволить купить дорогую одежду, хорошую машину, поехать в отпуск в тёплые края. У них отложено кое-что на «чёрный день». Дети живут своей жизнью и давно не требуют финансовой помощи родителей. Что ещё нужно для счастья? Но ведь, как гласит известная поговорка, счастье не в деньгах. В чём тогда? В общении с близкими? В твоих хорошо устроенных и работа-

щих детях? В здоровеньких и любящих тебя внуках? А жена? Что зависит от неё, чтобы он чувствовал себя счастливым? Счастлива ли она рядом с ним? Ни себе, ни ей он никогда не задавал этого вопроса. И вдруг подумал, что постоянно занят только своими чувствами, поисками своего счастья, ответами на свои вопросы и никогда не задумывался о жене, о её переживаниях, её размышлениях. Может быть, здесь и кроется истина? Живут бок о бок, вместе ходят в гости к детям, вместе принимают гостей, отдыхают в отпуске в отелях, а думают по-разному, оценивают то или иное событие каждый по-своему. Каждый прячет свои сокровенные мысли, каждый делает вид, что всё в порядке, всё хорошо. А хорошо ли? Плохо ли? Где ответ?

Неожиданно мысли снова вернулись к прошлому. Когда пришли перестройка и последующая приватизация, всё, как по маслу, покатило к разрушению. Тогда он растерялся. Несмотря на запрет, выпивки в виде самогона хватало, и он постепенно стал пристращаться к спиртному. Денег было – кот наплакал, а на выпивку всегда почему-то находилась пара рублей. Постепенно рублей стало не хватать даже на хлеб. Цены росли так быстро, что спрятанной на бутылку самогонки заначки хватило только на четверть. Приходилось искать собутыльников, чтобы, скооперировавшись, сбегать за спиртным и опохмелиться. Не найдя применения своим знаниям, стал искать случайные заработки. Поработав иногда на выгрузке вагонов, отдавал только часть заработанного

жене, остаток прятал на похмелье. И всё чаще и чаще стал приходиться домой пьяным. Тогда начались проблемы в семье.

В его воспоминаниях о прежних годах эта часть была самая тягостная, и он старался как можно реже вспоминать об этом промежутке жизни между трезвостью и похмельем. Сейчас он пытался себя убедить, что бросил бы пить всё равно, тем более что организм стал сдавать под напором алкоголя. Появились боли в желудке. То, что его от алкоголизма спас на самом деле переезд в другую страну, им как аргумент не воспринимался и всякий раз отлетался. Теперь, сидя в самолёте и потягивая из пузатого стакана заказанный коньяк, он впервые признался себе, что действительно спился бы и сдох где-нибудь под забором, если бы жена не позаботилась вовремя о документах на выезд в Германию. Ведь «там» он наотрез отказывался пойти к врачам, а когда всё-таки проверился и ему был поставлен диагноз «расширенная язва желудка», было уже поздно лечиться. Денег на дорогие лекарства всё равно не было, а тех, что были в наличии, едва хватало на жизнь.

В Германии его вылечили быстро – и от пристрастия к выпивке, и от язвы. Даже не пришлось оперироваться. Почти год он пил какие-то сильнодействующие пилюли, и после курса лечения проверка эндоскопом показала, что язва затянулась. Пить запоями он с тех пор, как прошёл терапию в специальной антиалкогольной группе, перестал, но иногда позволял себе расслабиться, выпив бокал вина или немно-

го более крепкого напитка. Там, в России, он, слава Богу, алкоголиком стать не успел и поэтому от выпитого не впадал в алкогольный синдром с последующим запоем. Да и выпивать стало не интересно. В супермаркетах, в любом маленьком магазинчике и даже на заправках полки ломились от спиртных напитков. Пить спиртное никому не запрещалось, только держи себя в рамках приличия. В очередях за бутылкой вина или водки стоять не надо. Бери бутылку с полки, подходи к кассе, рассчитывайся – и всё. Да и собутыльников не найти, чтобы «раздавить» бутылочку где-то на задворках заброшенного дома или в парке, спрятавшись в кустах. Пропала изюминка выпивки на троих, пропало чувство риска, что ты нарушаешь закон о запрете спиртного, исчезла гордость за себя, такого смелого. Позже он понял, что пил от бессилия что-либо изменить к лучшему в их жизни, из протеста против принятого без него решения уехать в чужую страну. Особого удовольствия самогон и палёная водка ему не приносили, и пить ему на самом деле не очень-то хотелось...

Объявили о посадке в аэропорту города Минска. Когда самолёт успешно приземлился и затихли благодарные аплодисменты пассажиров, в салоне стало шумно и тесно. Каждый торопился достать свой багаж с полки, каждый старался как можно быстрее надеть на себя сброшенную во время полёта куртку, каждый стремился как можно скорее пройти к выходу. Наконец подали трап к самолёту, и пассажиры ри-

нулись в открытые двери. Внизу уже ждал автобус, который должен был отвезти их к зданию аэровокзала.

Таможенный досмотр Анатолий прошёл быстро и без осложнений. Выйдя из здания аэропорта и увидев очередь ожидающих такси, он двинулся к ним. Стоявший у передней машины таксист услужливо открыл дверь, предлагая занять место. Не спрашивая, куда пассажиру надо, перехватил сумку из его рук, бросил её в багажник и, убедившись, что Анатолий сел в машину, занял место за рулём.

– Куда едем? – спросил водитель на английском языке.

– На железнодорожный вокзал, – ответил ему по-русски Анатолий.

– А, так вы говорите по-русски, – то ли утверждая, то ли спрашивая, сказал таксист.

Анатолий на всякий случай утвердительно кивнул. Водитель вывернул со стоянки, медленно выехал на главную улицу и только здесь добавил газу и перестроился в средний ряд.

– Вы прилетели с германским рейсом?

– Да, я из Германии.

– Ну, и как живётся нашему брату в Германии?

Завязывать разговор Анатолию не хотелось. Он устал и хотел покоя. Тем более что таксист, конечно же, уже задавал такие вопросы другим пассажирам и любые варианты ответов уже знал. Поэтому Анатолий односложно ответил:

– Как везде, – и отвернулся к боковому стеклу.

День был в разгаре, но из-за туч солнца было не видно.

Прохожие были одеты по-разному: одни кутались ещё в теплые шарфы, другие шли, распахнув настежь куртки. Попалось несколько человек, одетых в перспективе на тёплый день в рубахи с короткими рукавами – где-то вдали, там, где проспект упирался в горизонт, светлела полоска голубого неба.

Свернули к вокзалу. Анатолий рассчитался с водителем. В здании вокзала он пристроился к короткой очереди в кассу и через несколько минут билет на ближайшую электричку до Барановичей был уже у него в руках. Покупая билет, он спросил, на каком пути будет посадка, кассирша недружелюбно ответила, что, кажется, на третьем, и посоветовала обратиться в справочную. Времени до отправления поезда было мало, и поэтому Анатолий не стал искать справочную службу, а сразу прошёл на третий путь, где уже стоял состав. На табло локомотива вместо полного названия направления следования светились только две буквы «чи», и Анатолий, посчитав, что полный текст должен быть «Барановичи», вошёл в первый же вагон, и поезд буквально сразу тронулся. Анатолий глянул в билете на время отправления, отметил, что отправились на две минуты раньше, но не придал этому значения.

Пассажиров в вагоне было мало. Чуть поодаль, наискосок через два ряда, сидела молодая женщина и читала книгу. Небольшую черную сумку она прижимала локтём к своему боку. Сзади шумно устраивалась на свободных местах

компания весёлых людей. Никого не стесняясь, они перемешали свою речь смачными ругательствами. Анатолий решил не обращать на них внимания и раскрыл книжку, начатую ещё дома. Поезд громыхал по рельсам. Иногда резко покачивало, когда он менял на стрелках путь, но, выехав за город, состав пошёл ровнее, и стук колёс стал равномерным, монотонным и не таким заметным.

На очередной станции входили новые пассажиры. Анатолий мельком окидывал их взглядом и, не удерживая в памяти лица, вновь углублялся в чтение. Сзади четверо подвыпивших продолжали громко разговаривать. Иногда они смеялись над чем-то. Их ругань и смех отвлекали от чтения. После очередного громкого матерка Анатолий раздраженно повернулся и сказал:

– Послушайте, вы же не одни в вагоне. Не могли бы вы обойтись без ругательств?

– Тебе какое дело, папаша? – зло ответил один из парней и добавил смачный матерок.

Анатолий понял, что с этими отморозками в спор лучше не ввязываться – всё равно окажешься в проигрыше. Он достал с полки сумку и перешёл на несколько рядов, ближе к выходу. Здесь пьяный разговор был не так слышен.

В вагон вошла женщина в железнодорожной униформе и начала проверять билеты. Анатолий протянул ей свой. Женщина мельком глянула на билет и с удивлением спросила:

– Вы куда едете?

– В Барановичи, – ответил Анатолий.

– Гражданин, вы сели не в тот поезд.

– Как так? – растерянно спросил Анатолий. – Я же на третьем пути сел в этот поезд. Мне кассирша сказала.

– Ваш поезд на Барановичи должен был уйти на пару минут позже и со второго пути. А этот идёт в Толочин, совсем в другую сторону.

– И что мне теперь делать?

– Через несколько минут будет станция. Выйдете и пересядете на поезд противоположного направления. Скорый там не останавливается, только электрички. Вернётесь в Минск и спросите в справочной, где вам сесть на нужный поезд.

Анатолием овладела досада. Росло раздражение: надо же было так торопиться, чтобы даже перепутать поезда. Он зло сдёрнул с полки сумку и вышел в тамбур. Двое молодчиков из пьяной компании курили здесь и о чём-то громко спорили. Когда они прошли мимо него, Анатолий не заметил. Видно, был поглощён разговором с проводницей. Увидев Анатолия, один из парней бросил на пол недокуренную сигарету и исчез в вагоне. Второй продолжал курить, насмешливо поглядывая на него.

– Что ты пялишься на меня? Я что-то тебе должен? – зло проговорил Анатолий.

– Ты нарываешься, мужик! – ответил курящий и выпустил

струю дыма в сторону Анатолия.

Анатолий достал мобильный телефон и стал набирать номер конторы завода, куда ехал в командировку, чтобы предупредить встречающих о своём опоздании, но на длинные гудки вызова никто не отвечал.

В тамбур к кутившему вышли остальные подвыпившие друзья. Двое из них без всякого предупреждения схватили Анатолия за руки, тут же он получил удар кулаком в скулу и сразу же кто-то пнул его в живот. Телефон выскользнул из рук и, упав на железный пол, рассыпался на части. Открылась дверь тамбура. Ветром занесло запах мазута. Анатолий пытался вырваться из цепких рук молодчиков, но те были сильнее. Они подтащили его к дверям и с силой выпихнули из вагона. Следом за ним, почти одновременно, полетела и его сумка. В те несколько секунд, пока летел под откос, Анатолий успел пожалеть, что ввязался в спор с этой молодёжью, и им овладел ужас. В следующее мгновение он ударился обо что-то головой, в глазах ярко вспыхнуло, в мыслях промелькнуло: «Как всё глупо...» – и сознание отключилось.

Небо было ярко-голубым. Деревья лениво покачивали острыми верхушками. Слышалась трель соловья. Где-то в стороне, громко хрустнув, сломалась ветка и, падая вниз, вызвала шумный переполох птиц. Вокруг всё зачирикало, заухало, закаркало, но, как по мановению, вновь затихло, и осталась только нежная песня соловья. Анатолий попытался повернуться в ту сторону, откуда доносились соловьи-

ные трели, но сильная боль заставила его отказаться от этой попытки. От боли и небо, и верхушки деревьев превратились в расплывчатое марево. Он вновь расслабился. Резкость в глазах восстанавливалась, и вместе с ней возвращались другие ощущения: до слуха доносились звуки скрипящих колёс, он чувствовал, как колёса проваливались в ухабины, и от этого остро мозжило в голове. На ровной дороге возникало ощущение полёта, душу наполняло чувство покоя, боль отступала, и голова наливалась какой-то звонкой ясностью.

Он нащупал рукой подстилку, на которой лежал – это было мягкое сено. Тут же вспомнился запах сена из детства, когда он с дедом ездил на сенокос. Превозмогая боль, Анатолий скосил глаза вниз и увидел круп лошади. Её задние ляжки равномерно двигались в такт шагам, и хвост, как метроном, двигался то вправо, то влево. Ещё он увидел чью-то руку, державшую в руках самодельную плётку.

Колесо ухнуло в глубокую яму, и Анатолий застонал.

– Ну что, очнулся, – больше утверждая, чем спрашивая, проговорил кто-то рядом.

Над головой Анатолия нависло бородатое лицо старика. Старик приветливо улыбался. Там, где не было бороды и усов, лицо покрывала мелкая сетка морщин. На его голове сидела старая военная фуражка с красным выцветшим околышком.

– Как ты оказался в наших краях? – спросил дед.

– Меня с поезда скинули, – чуть слышно ответил Анато-

лий.

– Что? – переспросил старик.

– С поезда скинули, – более громко проговорил Анатолий и тут же от вспыхнувшей боли на миг провалился в небытие.

– ... отродясь поездов не бывает, – услышал Анатолий, придя в себя.

Что хотел сказать старик, он не понял, но разговаривать не хотелось. Хотелось наслаждаться покоем, запахом сена, песней соловья и скрипом колёс.

Старик отвернулся и, пару раз слегка ударив по крупу коня верёвочной плёткой, затих. Минут через пять он неожиданно проговорил, ни к кому не обращаясь:

– Ничего. Наша фельдшерица кого хочешь на ноги поставит. И не таких лечила.

Больше часа ехали по лесу молча. Лес то редел, то становился гуще. На небольших опушках вокруг Анатолия становилось светло, в чаще – сумрачно, как вечером, хотя день был в самом разгаре. Со временем пошла более разъезженная колея, и колеса чаще проваливались в выбоины или, выскакивая из колеи, шли юзом.

Боль стала не такой острой, но Анатолий изрядно устал от тряски. Ему хотелось уже хоть куда-нибудь доехать, где не будет этого скрипа, сменяющихся света и тени, не будет ухабов. И вдруг краем глаза он увидел крышу хаты, потом следующую. По всей видимости, они заехали в какую-то деревню.

– Пахомыч, кого везёшь? – спросил звонкий женский голос.

– Да вот, раненый в лесу оказался. Сам не знаю, откуда он там взялся, – как бы оправдываясь, ответил старик.

– Так ты его сразу к Нюрке вези, в фельдшерский пункт, – посоветовал тот же женский голос.

Крыш стало больше. Они были крыты шифером или же дранкой, которая местами от времени покрылась зелёным плюшем. «Неужели есть ещё в глубинке дома, крытые таким древним материалом. Странно видеть их в двадцать первом веке», – подумал Анатолий. Медленно, преодолевая боль, он повернул голову вправо. Увидеть всю улицу мешала его синяя сумка. Она была изрядно измазана глиной, и из-под разошедшегося замочка выглядывала часть рубашки. Чуть сбоку от сумки открывался вид на проплывающие заборы и на видневшиеся за ними дома. Некоторые из них были бревенчатыми, некоторые – из кирпича, но и те, и другие потемнели от времени и стали одного цвета. Иногда даже было трудно определить, из чего сложены стены домов.

Улица стала расширяться, телега выехала на широкую площадь, затем сразу свернула в переулок и, проехав ещё метров сто, остановилась в тени деревьев.

– Тпру-у-у, – протяжно скомандовал дед, останавливая лошадей, и добавил: – Приехали. Сейчас сдам тебя Нюрке. Она тебя заштопает. Будешь, как новенький.

Дед мелко засмеялся, довольный своей шуткой. Анатолий

попытался приподняться с подстилки, но острая боль в виске свалила его назад.

– Подожди, подожди, – придержал его старик.

Он подошёл к Анатолию, осторожно приподнял за плечи, ещё чьи-то руки подтянули его ноги к краю телеги. Дед и незнакомец, который оказался миловидной женщиной, помогли ему подняться и слезть с телеги. Голова кружилась, слегка подташнивало. Но через минуту всё прошло. Правда, продолжала пульсировать острая боль в висках.

Его повели к крыльцу одноэтажного здания, на дверях которого на небольшой вывеске было написано «Амбулатория», ввели в светлую, беленую известью комнату и усадили на кушетку. Ложиться он не хотел, боясь, что будет трудно встать.

– Ну, теперь посмотрим, что там у вас, – мелодичным голосом проговорила фельдшерица.

Она взяла из стеклянного шкафа какую-то склянку, оторвала клочок ваты, намочила его в растворе, подошла к Анатолию, мягкой ладонью отвернула его лицо от себя и стала промокать рану на голове.

– Ничего страшного, рана неглубокая, даже зашивать ничего не надо, – сказала она и спросила: – Голова кружится?

– Да, – ответил Анатолий.

– Ну, значит, есть сотрясение мозга. Надо день-два отлежаться. Можете встать?

Анатолий, не отвечая, с трудом встал с кушетки, но опять

закружилась голова. Боясь упасть, он схватился за руку женщины, но головокружение тут же прошло. Фельдшерица перехватила его руку и повела к двери в соседнюю комнату.

– Здесь у меня временная палата. Полежите пару дней, пока родные не объявятся.

Она подвела его к застеленной белым, чистым бельем кровати и помогла сесть.

– Нет у меня здесь родных. Они далеко. Есть у вас в деревне милиционер? Участковый, например?

– Нет, дорогой, милиция пока приедет, вы уже здоровеньким будете.

– У нас особист есть, можешь к нему обратиться, – встрял в разговор всё время присутствующий здесь старик.

– Пахомыч, ты иди, мы уж как-нибудь теперь сами разберёмся, – нетерпеливо оборвала старика фельдшерица.

– Ну а чё? Только особисту с ним и разбираться. Странный он какой-то, Нюра, – перешёл на шёпот старик. – О каком-то поезде говорит, вещи какие-то не наши. Шпион, может быть? Ты как хочешь, а я к председателю сельсовета зайду. Доложу о новеньком.

Анатолий с удивлением смотрел на старика. Сам он отлично помнил, что его выкинули из поезда. Значит, там, где его подобрал дед, должна быть железная дорога. Да и телегой ехали они чуть больше часа. Не может же быть, чтобы в этой деревне никто о железной дороге не знал. Абсурд какой-то. Ещё абсурднее эта фраза о шпионах. Ему казалось,

что старик специально разыгрывает его. Наверное, шутник хороший.

– Мне бы переодеться, – попросил Анатолий. – Видите, Нюра, одежда совсем грязная. В телеге должна быть моя сумка. Мог бы Пахомыч её принести?

Пахомыч всё ещё топтался у дверей и, услышав просьбу больного, пошёл к выходу. Через несколько минут он вернулся, прижимая двумя руками к груди замаранную грязью сумку, из которой выглядывала теперь не только рубаша, но и зелёный галстук. Грязь на сумке подсохла и отваливалась слоями, падая на чистый пол.

– Пахомыч, ну что ты делаешь?! – крикнула, выглянув из дверей, фельдшерица. – Оставь вещи у порога и уходи уже!

Пахомыч тут же развернулся, суетливо опустил сумку на пол и вышел, хлопнув с досады дверью.

– Во что вы хотели бы переодеться? – спросила Нюра.

– В сумке должно быть спортивное трико. Под рубашами и брюками.

Нюра вышла из комнаты, недолго повозилась в его вещах и вернулась, держа в руках синее трико.

– Странные у вас вещи, действительно, – задумчиво проговорила она. – Этикетки на них какие-то заграничные, сумка не советская.

– Нюра, вы что, решили меня все тут разыграть? Про железную дорогу не знаете, а она где-то рядом с вашей дерев-

ней проходит. И о какой советской сумке вы говорите?! Советов нет уже тридцать лет!

Нюра испуганно поднесла одну ладонь ко рту, а другой замахала, как будто отмахиваясь от чего-то страшного.

– Вы что? Окститесь.

Она начала креститься, но вдруг опомнилась и спрятала руку, совершавшую крест, за спину.

– Не говорите такого больше. Если дойдёт до Павла Ивановича – засудит. Упечёт туда, где Макар телят не пас.

Анатолий удивлённо смотрел на фельдшерицу, не понимая, чего она так испугалась. Кто такой Павел Иванович, он тоже не понял. И вообще, всё происходившее с ним ему показалось бредом. Он подумал, что надо просто лечь и выспаться.

– Ладно, шутите дальше, а мне надо переодеться.

Нюра нерешительно вышла и остановилась недалеко от двери. Анатолий слышал, как она взволнованно дышала. Испуг её, похоже, не прошёл. Но чего она испугалась, понять он так и не мог. Переодевшись, Анатолий вышел из палаты.

– Мне бы вещи постирать. Нет у вас в деревне прачечной?

– Какая прачечная? Бабы сами стирают. Давайте я постираю. Завтра принесу поглаженными.

– Да что вы, Нюра, неудобно как-то. Уж лучше я сложу в пакет и с собой возьму. У меня ещё есть одежда, для смены. Не беспокойтесь.

Но женщина, не слушая его, свернула грязные вещи, до-

стала из шкафа сетку и всё запихала в неё. Анатолий с удивлением смотрел на вещь, набитую его брюками и рубахой. Таких сеток-авосек он давно уже не видел. Когда-то в детстве ходил с такой за хлебом. Но их уже лет сорок, а то и больше, вообще не производят. Как она могла ещё сохраниться?

С улицы кто-то громко постучал. И тут же дверь открылась, и на пороге появился Пахомыч. За спиной на ремне у него висело старое двухствольное ружьё, в руках он нёс накрытую вафельным полотенцем чашку.

– Вот, Сергей Сергеевич передал покушать. Я был у него и рассказал о новеньком.

Он снял с чашки полотенце. Под ним оказалась варёная картошка и шматок сала. Анатолий тут же вспомнил, что не ел с утра, и глянул на фельдшерицу:

– Можно?

– Ешьте, ешьте, – ответила та поспешно, – вам сил надо набираться.

Дед с ружьём делано кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Пал Иванович на хутор уехал, завтра к обеду будет. Сергеич сказал, чтобы я сторожить у медпункта остался. Не дай бог, сбегёт новенький, отвечай потом перед начальством. Так что ты, Нюра, иди. Закрой только дверь на ключ и мне его отдай.

– Ты что, дед, какая охрана?! Куда я сбегу в таком состоянии? Да и зачем мне бежать? Вы что тут, все с ума посхо-

дили?!

– Кто с ума сошёл, надо ещё разобраться.

Дед рассердился и стал стягивать с плеча ружьё. Нюра придержала его руку:

– Не ссорьтесь. Завтра всё будет ясно. Вы поешьте – и сразу ложитесь. Уже вечер на дворе.

– Есть у вас в пункте туалет и душевая? – успокоившись, спросил Анатолий.

– Туалет на улице. Захотите по нужде – постучитесь в дверь, Пахомыч проводит. Баня по пятницам. Если хотите, нагрею завтра воду, в корыте помоесть.

«Какой-то бред», – подумал Анатолий. Он устал от разговоров и присел к столу. Женщина и дед вышли. В дверях провернулся ключ, и Анатолий остался в медпункте один. Он с удовольствием поел картошки и умял весь шматок сала. После еды навалилась усталость. Он вошёл в палату и, как был, в трико, лёг в кровать. Ни о чём не хотелось думать. Даже о странностях сегодняшнего дня. И Анатолий безмятежно заснул.

Под утро Анатолию приспичило в туалет, но вставать не хотелось. Рассветало. В палате было уже сравнительно светло. Предметы, мебель, лампочка под потолком, разворошенная сумка у двери – всё стало приобретать четкие очертание. В открытую форточку влетал свежий ветерок, и от этого палата наполнялась запахом цветущего сада. Чувствуя, что дальше тянуть некуда, Анатолий встал, влез в сто-

ящие у кровати туфли и пошёл к выходу. Он нажал на дверную ручку, пытаясь открыть дверь, но она не поддавалась. Стукнув несколько раз в дверь кулаком, Анатолий прислушался. На улице кто-то закричал, послышались шаркающие шаги, и сиплый сонный голос спросил:

– Кто там?

– Почтальон Печкин. Открывай, дед, мне в туалет надо.

– А, это ты, ранетый, сейчас открою.

Дед начал неуверенно тыкать ключом в дверь, пытаясь найти замочную скважину. Наконец ключ скользнул в отверстие и провернулся. Дверь открылась. У порога стоял сторож, держа ружьё подмышкой дулом вниз.

– Пахомыч, ты забыл, что ли, что я один в пункте остался? Что за глупые вопросы задаешь? Показывай, где туалет.

– Вон, за домом. Дверей нет.

Пахомыч, наконец-то, окончательно проснулся, перехватил ружьё наизготовку и, показав дулом направление, зашептал за бегущим Анатолием.

– Послушай, дед, ты со мной и в туалет пойдёшь? – остановившись, спросил Анатолий.

– А чё? Ты ж арестованный, сбегёшь ещё.

– Ты подумай, куда я сбегу в вашей глухомани. Отвернись, я стесняюсь при посторонних.

Дед отвернулся, но, оправляясь, Анатолий чувствовал на себе его взгляд. Он вспомнил вчерашний разговор в медпункте и подумал: «Что за бред опять продолжается?»

Он вернулся в медпункт, но спать не хотелось. Очистив от грязи стоявшую у порога сумку, внёс в палату и, вернувшись в комнату фельдшерицы, сел за стол и взял первую попавшуюся бумагу в руки. Это был отчёт об использованных медикаментах и перевязочных материалах. Вся месячная работа медпункта уместилась на половине листка. Наверное, и в предыдущие месяцы ничего интересного, с точки зрения медицины, в этой глуши не происходило. Ни у кого не образовался нарыв, не случился аппендицит и даже не было намёка на простуду. Какая скука.

– Не хотел бы я здесь врачом работать, – вслух проговорил Анатолий.

Тут же открылась дверь и Пахомыч, приложив руку лодочкой к уху, спросил:

– А?

– Бэ, – раздражённо ответил Анатолий и спросил: – Подслушиваешь, что ли, Пахомыч? Ты не работал, случайно, в КГБ?

– На войне в охране служил, – с гордостью проговорил дед.

– Оно и видно. Наверное, был сын полка. Закрой дверь.

Дед захлопнул дверь, но и через неё был слышен его голос. Видно, ударился в приятные воспоминания о своей героической молодости. Анатолий прошёлся вдоль шкафов, стоящих у стены. Два обыкновенных медицинских шкафа со стеклянными дверцам, в которых были аккуратно раз-

ложены пакетики с таблетками, упаковочки пенициллина и ещё какого-то лекарства, несколько шприцев в стерилизаторе, какие-то незнакомые, чисто отполированные инструменты. Он подёргал за ручку дверцу одного из шкафов. Дверца была замкнута. Анатолий прошёл к деревянному шкафу с полками. На них стояли старые, много раз читанные медицинские справочники. Тут же отдельным рядком выстроились книги партийных лидеров. Названия томов были Анатолию незнакомы, и таких книг он никогда не видел. Здесь был труд Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», несколько томов В. И. Ленина, книжки Маленкова, Молотова. Странно было видеть эту подборку спустя много лет после падения социализма. И вообще, зачем сельскому фельдшеру знать экономические проблемы СССР? У неё другие проблемы и задачи. Похоже, главная из них – сошедшие с ума односельчане.

Анатолий сел за фельдшерский стол и стал размышлять над тем, что он увидел и услышал за эти неполные сутки. Какое-то тревожное чувство надвигающейся беды стало овладевать им. Удивительно было, что, проезжая по деревне в телеге Пахомыча, он видел хаты, покрытые камышом и дранкой. В глубинках России давно об этих материалах забыли. И зачем в селе нужен военный комендант? По рассказам родителей Анатолий знал, что комендатуры после войны существовали ещё больше десяти лет. Но с тех пор прошли десятилетия. Давно исчезли сельсоветы. Может быть, в Бело-

руссии они ещё сохранились как административная власть? «Нужно вести себя осторожней, – решил Анатолий. – Лишних вопросов не задавать и со своими рассуждениями не высываться».

За дверью заговорили. Вошла фельдшерица. Анатолий торопливо встал и вышел из-за стола, уступая ей место. На женщине была надета цветная новая кофта, из-под которой выглядывала белая блузка. Узкая, чуть ниже колен юбка красиво облегла округлые бёдра. Она простучала в туфлях на высоком каблуке к своему столу и мило улыбнулась:

– Ну, как спалось?

– Нормально. Выспался.

От женщины исходил аромат каких-то полевых цветов. «Неужели она для пациента так нарядилась и надушилась?» – подумал Анатолий, но вслух сказал:

– Вы сегодня, Нюра, как-то особенно нарядно выглядите. Эта кофта вам к лицу.

Женщина ничего не ответила, сняла со стула наброшенный на него белый медицинский халат, быстро влезла в него и, сев за стол, начала нервно перебирать бумаги. От комплимента по её щекам разлилась предательская краснота.

– Сейчас Сергей Сергеевич придёт. Идите переодевайтесь.

Анатолий вошёл в смежную комнату, вытащил из сумки джинсы и свежую рубаху, скинул с себя трико и переделся. Рубаха выглядела помятой, но Анатолий решил, что для сельской местности сойдёт и так. От резких движений сно-

ва закружилась голова. Он присел на кровать и минуты три сидел, успокаиваясь.

Дверь резко отворилась, и в палату вошёл мужчина средних лет. Он был одет во всё серое: серые, в еле заметную полоску брюки, заправленные в яловые сапоги, серая, в мелкую клетку рубашка, серый однотонный костюм, серая фуражка, и лицо выглядело под цвет одежды – тоже серым и угрюмым. Мужчина был невысокого роста, но широк в плечах. Он уверенно стоял в дверях, пристально рассматривая Анатолия.

– Ты откуда к нам заявился? – сразу переходя на «ты» спросил мужчина.

– Я к вам не заявился. Меня старик привёз.

– Да знаю я, кто тебя привёз.

Он открыл папку, которую до этого держал подмышкой, и достал оттуда паспорт Анатолия с вложенными в него билетами.

– Здесь твоя фотография?

– Да. Это мой документ. Верните его мне.

– Что это за документ, и почему здесь всё на иностранном языке написано?

– Это мой паспорт. Он выдан мне в Германии. Там, между прочим, виза на белорусском языке.

Анатолия начали уже раздражать вопросы мужчины.

– Странные вопросы вы задаете. Врываетесь сюда. Не представились, кто вы такой. Каким-то образом завладели паспортом, который принадлежит мне. Вообще, должен я

на ваши вопросы отвечать?

– Конечно, – самоуверенно ответил мужчина. – Я – председатель сельсовета. Я здесь советская власть. Этот документ останется у меня до выяснения. Звать меня Сергей Сергеевич. Оставайся до обеда здесь. После обеда приедет комендант, он и решит, что делать с тобой.

– Со мной ничего делать не надо. Отвезите меня на станцию к любому поезду, который идёт в Барановичи.

– Да, Пахомыч прав, странный ты какой-то. Ближайшая от нас железнодорожная станция находится в полста километрах отсюда.

С последними словами Сергей Сергеевич вышел, захлопнув за собой дверь.

Анатолий прилёг на кровать прямо в одежде. «Странно, – думал он, – каким образом я оказался за столько километров от железной дороги?» Ссору в поезде он помнил, также помнил удар по голове. А дальше в памяти был провал. Ну не мог же он с сумкой и с травмой головы прошагать в беспамятстве по лесу такое большое расстояние. Что-то тут не сходится.

То ли от расстройства, то ли от травмы опять заболела голова. Он поднялся с кровати, открыл сумку, нашёл в боковом кармашке случайно завалявшуюся таблетку парацетамола и вышел из комнаты в ординаторскую.

Нюра всё ещё сидела за столом и заполняла какой-то формуляр. Запах духов был теперь не таким интенсивным, но,

смешавшись с запахом лекарств, стал неприятным.

– У меня, Нюра, опять разболелась голова. Можно стакан воды, таблетку запить?

Женщина взяла стоявший справа от неё графин и налила в гранёный стакан воды.

– Что за лекарство вы пьёте? – спросила она, протягивая стакан.

Анатолий сначала запил таблетку водой, а потом ответил:

– Парацетамол. Хорошо помогает от головной боли. Последняя была. Забыл с собой побольше прихватить из дома.

– Вы же ещё не завтракали, – спохватилась Нюра. – Сейчас поставлю на плиту чайник. У меня есть пару сухарей. Хоть что-то поедите.

Она встала, прошла к маленькому столику в углу, заглянула спиртовку и поставила чайник. Спиртовка была больше похожа на керогаз, который Анатолий видел в старых фильмах. Вода в чайнике через несколько минут закипела, и Нюра налила кипяток в маленький чайничек. Она освободила угол стола от бумаг и поставила две чайных чашки. Из правой тумбочки стола вынула полную тарелку с сухарями и несколькими кусочками комкового сахара между ними. Налила чаю.

– Берите стул, подсаживайтесь.

Дважды приглашать Анатолия было не нужно – он действительно чувствовал голод.

Они пили чай с сахаром вприкуску и громко хрумкали су-

харями. Минут пять прошли в полном молчании.

– Нюра, мне надо позвонить. Есть у вас здесь телефон? – спросил Анатолий, прожевав очередной кусок сухаря.

– Нет. Телефон только в сельсовете и у коменданта.

– Может быть, у кого-нибудь есть мобильный телефон?

– Рация, что ли? – удивилась Нюра.

– Какая рация? Простой мобильный телефон, работающий через спутник.

Женщина непонимающе и даже с каким-то страхом смотрела на него.

– Я не понимаю, о чём вы говорите.

Анатолий видел, что Нюра действительно была в растерянности от его вопросов. Наверное, в этой глубинке о таком чуде прогресса понятия не имеют. Но ведь Нюра где-то же училась на фельдшера. Неужели ни разу не сталкивалась с людьми, имеющими мобильник.

– Вы где учились на медика? – поинтересовался Анатолий.

– Сначала закончила в райцентре двухгодичную школу медсестёр, а потом там же годовичные курсы фельдшеров.

– Дальше районного центра никуда больше не ездили?

– Нет. А зачем? – удивилась Нюра.

«Да, действительно, зачем?», – с сарказмом подумал Анатолий. Странностей набиралось всё больше и больше. Он встал из-за стола и, поблагодарив фельдшерицу за чай, вернулся в палату. Головная боль постепенно слабела, но Ана-

толий решил всё же прилечь. Он лежал с открытыми глазами, бессмысленно разглядывая потолок, который был разделён деревянными балками на ровные полосы. И потолок, и балки были покрыты известью. Посередине комнаты свисала лампочка без абажура. Единственное окно наполовину было закрыто белыми занавесочками, но всё равно пропускало в комнату достаточно света. В углу, рядом с окном, стоял старый покосившийся шкаф. Одна дверь в нём была полуоткрыта, и были видны лежащие на полках сложенные в стопки постельные принадлежности.

Тишина успокаивала. Посетителей у фельдшера не было, из приёмной тоже не проникало ни звука. Анатолий прикрыл глаза и стал проваливаться в дрему.

Вдруг в приёмной с треском открылась дверь. Кто-то громко простучал сапогами. Послышался чей-то хриплый голос. Слов Анатолий не понял. Распахнулась дверь палаты. В проёме двери стоял худой, высокий, скуластый человек в военной форме. Глубоко сидящие глаза в упор смотрели на лежащего Анатолия.

– Встать! – громко крикнул военный и потянулся рукой к расстёгнутой заранее кобуре с пистолетом.

Анатолий приподнялся с кровати и, оставшись сидеть на ней, с интересом смотрел на вошедшего. Лицо у военного было побито оспинками, левое веко слегка нервно подрагивало, на голове уже обозначилась ленинская лысинка, но несколько волосков на ней ещё игриво выстреливали

вверх. Лет ему было уже под шестьдесят, а может, и больше. Он держал в левой руке фуражку и нервно похлопывал ею по широкому галифе. Военный был в звании капитана, на что указывали четыре звёздочки на погонах. Спокойный взгляд Анатолия, видимо, окончательно вывел капитана из себя.

– Чё ты уставился на меня? Я же сказал тебе: встать!

– Почему вы, господин капитан, так на меня кричите?

– Вот это твоё «господин» тебя и выдало с головой. В моей стране господ нет. Есть граждане и товарищи. А вот откуда ты прибыл – надо ещё разобраться. Вставай – и на выход, не заставляй меня силу применять.

Не желая ненужного конфликта, Анатолий встал и пошёл к дверям. Капитан, продолжая придерживать рукой открытую кобуру, посторонился, пропуская его. Фельдшерица сидела за столом и с испугом следила за происходящим. Анатолий подумал о вещах, оставленных в палате.

– Вещи брать с собой?

– Иди уже. Видно будет.

Капитан грубо толкнул Анатолия в спину, отчего тот вынужденно ускорил шаг и, всем корпусом ударившись в дверь, еле удерживая равновесие, вылетел на улицу. Здесь уже стоял с ружьём наизготовку дед, которого Анатолий про себя называл «сыном полка». Вновь остро кольнуло в области ключицы и засвербило в голове. Такого обращения Анатолий не ожидал.

– Вы почему, капитан, так себя по-хамски ведёте?! – повернулся он к капитану и шагнул ему навстречу.

Капитан, левой рукой ухватив правую Анатолия, вывернул её за спину, вытащил из кобуры пистолет и приставил дуло к виску. Острая боль прошла по всему телу Анатолия, он упал на одно колено и взмолился:

– Отпустите руку, капитан. Я же никуда не сбегу.

– То-то же. Иди вперёд! – скомандовал капитан и снова больно ткнул вставшего с колена арестованного дулом пистолета в спину.

– Куда мы идём?

– В сельсовет, там у меня кабинет.

Они шли по пыльной дороге вдоль старых, обветшалых, давно не отремонтированных домов. Улица была пуста. Только у одной повалившейся калитки стояла старая женщина. Приложив ладонь козырьком ко лбу, она долго провожала глазами странную процессию. Анатолий даже в самых кошмарных снах не мог себе представить, что в 21 веке может такое произойти. Он ещё раз мысленно призвал себя к осторожности и в словах, и в делах. Ситуация для него была совершенно непонятная. Он не знал, на территории какого государства находится, не ведал, далеко ли от этой затерянной деревни какая-нибудь власть, не имел представления, каким образом можно дать знать о возникших проблемах в немецкое консульство. «Надо выждать, – подумал Анатолий, – надо набраться терпения. Видимо, здесь протестами не помо-

жешь».

Процессия свернула на небольшую площадь, в которую упиралась улица. На противоположном конце стояло единственное из всех увиденных до того Анатолием кирпичное здание – сельсовет. На некотором расстоянии от фасада ровным рядом росли развесистые берёзки, которые скрывали за собой окна сельсовета. Параллельно деревьям выстроились привешенные к специальным столбам щиты наглядной агитации. Самодеятельный художник разукрасил их диаграммами успехов колхоза. Один щит был посвящён ударникам коммунистического труда. На другом висел выцветший от времени плакат с надписью «Позор самогонщикам». В тени здания пряталось крыльцо, покрытое свежей синей краской. Над крыльцом, по обе стороны дверей, на воткнутых в трубки древках колыхались на сквознячке два небольших флажка: один – красный с серпом и молотом, другой – тоже красный, но с цветной орнаментальной полоской снизу. Увидев наглядную агитацию и флаги, Анатолий с удивлением остановился, но тут же опять получил тычок в спину. Дед, обогнав, открыл дверь и услужливо пропустил арестованного и капитана.

– Жди здесь, – бросил ему на ходу капитан.

После яркого солнца внутри здания показалось вначале темно. Но постепенно глаза привыкали. Времени осмотреться не было – дуло пистолета снова больно вдавилось в ребро.

– Вперёд и налево, – отрывисто скомандовал капитан.

У двери в конце длинного коридора остановились. Капитан, переложив пистолет в левую руку, правой достал из кармана связку ключей и одним из них открыл замок. Распахнув дверь, знаком показал Анатолию: входи.

Кабинет был обставлен просто, можно сказать, даже убого, но всё необходимое для работы здесь имелось. Огромный дубовый стол занимал четверть комнаты, за ним стоял обыкновенный стул с основательно потертым сидением. Два точно таких же стояли между двумя окнами, и еще один, с подлокотниками, был придвинут к столу с другой стороны. Справа от двери разместился шкаф со стеклянными дверцами и рядом с ним – высокий сейф. На стене, напротив стола, висели два портрета: Андропова и Брежнева. «Странно, – вновь промелькнуло в голове Анатолия, – в этой деревне время как будто остановилось».

Капитан прошёл на своё место за столом и жестом предложил Анатолию занять стул напротив. Стол был старомодным. Зелёное сукно на нём изрядно выцвело, и в том месте, где опирались локтями, материал был протёрт почти до дыр. По правую руку от капитана стоял покрытый пылью телефон, с которого, наверное, уже давно никто не звонил. Слева на двух стареньких папочках лежала стопка чистых листов. Рант стопки уже начал покрываться желтизной, как в старых книгах – красноречивое свидетельство того, что ни папки, ни листы уже долгое время никто не тревожил.

Капитан взял со стопки верхний, основательно выцвет-

ший лист, и следующий оказался ослепительно-белым. Положив пистолет рядом, особист несколько секунд пристально смотрел на задержанного, но Анатолий, не зная за собой никакой вины, стойко выдержал прожигающий насквозь взгляд. Капитан первым отвёл глаза, и Анатолий остался доволен собой и слегка улыбнулся, надеясь втайне, что капитан этого не увидит.

– Ну, давай рассказывай, – снова упёршись взглядом в Анатолия, потребовал капитан.

– О чём рассказывать?

– Ты вот что: не придуривайся! – закричал капитан. – Сам отлично знаешь, о чём я тебя спрашиваю. Откуда ты? Кто тебя забросил в наши края? Что ты тут пытаешься разузнать?

– Вам, наверное, дед уже всё рассказал – и где меня нашёл, и в каком состоянии я был. Я перепутал поезда и ехал не в ту сторону, куда мне было нужно. Был конфликт с несколькими молодыми пьяными людьми. Перед станцией, где хотел пересесть, чтобы вернуться назад в Минск, вышел в тамбур... и вот с этого момента уже ничего не помню.

– Ты мне не заливай! Какая здесь, к чёрту, железная дорога. Иначе как с парашютом ты сюда попасть не мог. Неудачно приземлился, отсюда и травма головы, и ссадины на лице.

– Да-а-а, господин капитан, фантазии вам не занимать.

– Прекрати меня «господином» обзывать, – в ярости вскопчил с места капитан. – Я тебе не капиталист толстопузый и не товарищ. Пока только гражданин.

– Ну, извините, гражданин... не знаю, как вас по должности называть. Заключённые обычно называют доблестных полицейских «начальниками». Должен я вас тоже гражданином начальником называть?

– Я оперуполномоченный КГБ в этой местности, – сев на место и успокоившись, веско сказал опер. – Достаточно, если ты меня по должности будешь называть или гражданин капитан. Повторяю вопрос: откуда, из какой страны тебя к нам забросили?

– Гражданин оперуполномоченный КГБ, официально заявляю, что в вашу удивительную страну я никем не был заброшен. Да, я гражданин иностранного государства. Был в пути к месту моей командировки. В дороге несколько пьяных хулиганов избили и выбросили меня из поезда. Каким образом я оказался далеко от места падения, не знаю. Предлагаю это выяснить вашей полиции, милиции или специальным органам. Одновременно, как гражданин Германии, требую сообщить о моём аресте в ближайшее германское консульство.

Анатолий сам удивился тому, каким казённым языком и с какой твёрдостью он выдал свою тираду. Капитан удивлённо смотрел на задержанного, видимо, не зная, как ему реагировать. Его растерянность длилась только пару секунд, затем лицо вновь обрело выражение высокого чиновника.

– В первую очередь выяснять, как ты здесь появился, буду я.

– И как долго будет длиться это выяснение?

– Так долго, сколько мне надо.

– Имейте в виду, гражданин капитан, на том заводе, куда я ехал, меня ждали. На вокзале меня должны были встретить. Я думаю, что моя задержка их удивит и обеспокоит. Скорее всего, они начнут меня искать, будут звонить в Германию на мою фирму, подключат к поискам специальные органы. Не бойтесь, что вы потеряете пару звёздочек из-за незаконного ареста иностранного гражданина?

В глазах капитана снова мелькнуло беспокойство, но тут же исчезло. Он протянул руку к телефону, поднял трубку и приложил её к уху.

– За меня не беспокойся. Я вот сейчас позвоню моему начальству в район. Они мои действия, уверен, одобрят.

Он подержал трубку возле уха и разочарованно положил её назад. В том месте, где опер сжимал трубку, пыль стёрлась, и высветился чёрный полированный пластик. Капитан посмотрел на руку, испачканную пылью, попытался её стряхнуть, но пыль прилипла к потной ладони. Он опустил руку под стол и, видимо, вытер её о своё галифе.

Анатолий начал уже понимать, кого имеет перед собой. Этот солдафон, обученный лет сорок назад борьбе с врагами народа, никогда этих врагов в глаза не видел. Он спокойно жил в этой глуши. Быть может, охотился, собирал с женой ягоды в лесу, попивал по вечерам запрещённую самогонку и был вполне доволен этой скучной жизнью. Конечно,

он демонстрировал огромную энергию, если надо было найти в селе вора, укравшего мешок зерна у кого-нибудь из сарая, призвать к порядку расшалившегося сельского хулигана, набившего по пьяни кому-нибудь морду, или же привести в чувство не в меру рассорившуюся семейную пару. Но это были маленькие эпизоды в его карьере. Ничем выдающимся он не отличался. Отсюда и звание капитана в шестьдесят лет. Из района его уже давно не беспокоили, и он сам тоже никого из вышестоящего начальства звонками и визитами не тревожил. Удобный по всем меркам подчинённый. Возможно, он уже на пенсии, но по инерции продолжает выполнять свои обязанности. Появление чужого в деревне, с одной стороны, его вдохновило на подвиги, но, с другой стороны, выбило из привычной колеи и даже напугало. Видимо, его грубость – это только ширма, за которой он пытается спрятать свою растерянность.

– Ну, так позвоните в район. Я даже рад буду. Только вот есть у меня подозрение, что телефон у вас уже долгое время неисправен.

– Я найду возможность сообщить в район о твоём появлении здесь.

Особист впился взглядом в Анатолия, но мысли его были заняты хаотичным поиском ответа на вопрос: «Что делать?» Он действительно не знал, как себя вести с арестованным. Опыта борьбы со «шпионами» бедному капитану явно не хватало. А что, если он и правда ошибается и без основа-

ния задержал безвинного иностранца? К тому же задержанный ведёт себя слишком уверенно. Лишних хлопот ему, капитану, не надо. Когда ему сообщили о появившемся в селе иностранце, он был настроен по-боевому и уже заранее рисовал сцены допроса, чистосердечное признание шпиона. В недалёком будущем уже видел себя на сцене клуба, где генерал КГБ вручает ему награду за бдительность. Теперь же, столкнувшись с этим наглым шпионом, будущее представлялось ему не таким розовым. За сорок лет службы в этой глуши он начисто забыл всё то, чему его учили в специальном училище.

Капитан продолжал отсутствующе смотреть на Анатолия, как вдруг взгляд его стал более осмысленным, и он, придя к какому-то решению, сказал:

– Ладно, поживёшь пока у нас в колхозе. Я передам в район информацию о тебе. Пусть там, наверху, решают, как с тобой быть.

Он подошёл к дверям и громко крикнул: «Пахомыч!» Дед появился мгновенно.

– Отведёшь задержанного к Дарье Петровне на постой, пусть там поживёт маленько... до выяснения.

Старик тут же снял с плеча ружьё и пристроился в двух шагах за Анатолием, вышедшим из кабинета опера.

– Ты, Пахомыч, повесил бы ружьё на плечо, не дай Бог, ещё выстрелишь, – недовольно заметил Анатолий. – И вообще, оставил бы ты его дома. Бегаешь за мной с этой пукаль-

кой, как будто тебе больше делать нечего, тимуровец недоделанный.

– Иди-иди уже. Я знаю, как с арестованными обходиться. Не надо меня учить. Поворачивай на эту улицу. Сейчас придём уже.

Ретивый НКВДэшник уже по-настоящему раздражал Анатолия, но, решив не связываться с бестолковым стариком, он промолчал. По-прежнему терзали мысли о том, что всё, что с ним теперь происходит, какой-то кошмар или хорошо подготовленный розыгрыш. В то же время закрадывались серьёзные сомнения. Всё вокруг было абсолютно реальным: и хаты, крытые дранкой, и фельдшерский пункт с испуганной фельдшерицей, и председатель сельсовета, и опер с его угрозами, и этот навязчивый дед-охранник с ружьём. Какие ещё неожиданности могут возникнуть? Как долго будет длиться канитель с выяснением его личности? На эти вопросы Анатолий ответить себе не мог. Сохранился бы его телефон, можно было бы позвонить на завод в Барановичи или своему шефу. Быстро бы привели в порядок бдительного опера. Но мобильник разлетелся на части в тамбуре и, наверное, уже давно отправлен на свалку вместе с другим мусором.

Они прошли метров двести от площади и свернули в переулок. У дома с резными наличниками дед неожиданно командовал:

– Стоять, – и, продолжая держать дуло в направлении кон-

воируемого, стукнул несколько раз в окно, одновременно крикнув: – Дарья, ты дома?

Окно распахнулось, и выглянула пожилая круглолицая женщина. Она была без платка, и волосы в беспорядке свисали ей на плечи. Пара седых прядей упала на глаза и мешала ей по-настоящему рассмотреть пришедших.

– Что тебе надо, старый хрыч? Чего орёшь под окнами? – недовольно спросила женщина, узнав Пахомыча.

– Открывай, постояльца привёл тебе.

– Нужен он мне. Без постояльцев обойдусь.

– Не ерепенься, открывай. Его Пал Иванович к тебе на постой послал.

– Ну да! Опять бесплатно. Он ещё с прошлого раза мне ни копейки не заплатил.

– И-и-и, когда это было. Да ты своего не упустила. Сколько тогда продуктов перетаскала из магазина и с колхозного склада. Роту неделю кормить можно было.

– А ты мои продукты не считай. Сам вечно трёшься возле начальства. Тоже, небось, тебя талонами не обходят.

Окно с треском захлопнулось, и через несколько секунд хозяйка дома появилась в дверях: невысокого роста, пышнотелая, в выцветшем ситцевом платье, подвязанном поверх потёртым фартуком с дыркой почти посередине, на голых, неестественно распухших ногах – растоптанные тапочки. На голову она успела накинуть лёгкий хлопчатобумажный платок. Остановившись, женщина недружелюбно, даже

с некоторой неприязнью посмотрела на Анатолия, отступила в сторону и показала жестом, чтобы входил. Пахомыч хотел было тоже пройти, но Дарья заступила ему дорогу.

– Нечего тебе делать у меня в доме... И что это за постоялец без вещей?

– Сейчас принесу из фельдшерского пункта, – заверил старик и пристрожил Анатолия: – Ты смотри не балуй. Дарья, присматривай за ним. Оч-чень подозрительная личность.

– Ладно, иди уже, сама разберусь как-нибудь.

Анатолий прошёл через сени в открытую дверь и оказался в просторной комнате – кухне, по всей видимости. Дальше, за открытыми двустворчатыми дверьми, виднелась ещё одна комната.

Вошла хозяйка.

– Садись к столу, – показала рукой на табурет. – Чаю я, голодный ты.

Только теперь Анатолий вспомнил, что после небогатого завтрака в фельдшерском пункте не брал и маковой росинки в рот, и почувствовал голод. Он присел на табурет и виновато посмотрел на хозяйку:

– Я думаю, что недолго пробуду у вас, возможно, два-три дня.

– О-о, милай, не зарекайся. Наш капитан быстро погоняет, да медленно едет. Пару раз у меня уже были постояльцы, так месяцами жили, пока сверху разбирались.

– А где это – сверху? В районе, что ли? Так далеко он от вас?

– В районе, наверное. А может, где и подальше. Не знаю. Я в районе никогда не была. Сижу в своём уголке безвылазно. Да и что там делать? Всё, что нам нужно, Пахомыч привозит.

Разговаривая, она продолжала хлопотать на кухне: поставила на стол сковородку с жареной картошкой, тарелку перед постояльцем, положила вилку, нарезала крупными ломтями хлеб, зажгла газовую плиту и водрузила на конфорку чайник. Делала всё споро, без суеты. Её пышнотелость несколько не мешала уверенным движениям. Платок она сняла, и волосы опять упали ей на глаза. Время от времени она убирала их со лба, заодно стирая ладонью выступивший пот.

– А вы не собираетесь обедать? – спросил, начав есть, Анатолий и глянул на хозяйку.

– Я уже пообедала. Посмотри на часы, время обеда давно прошло.

Дарья стояла у плиты, ожидая, когда закипит вода, потом взяла маленький заварной чайник, насыпала в него из пачки чай номер 36 и залила кипятком. Анатолий уже вечность не видел таких упаковок. Дух от заваренного чая был из далёкого прошлого и приятен. Жареная картошка была ещё тёплой. Приправленная свиными шкварками, она напомнила родительский дом в бывшем Союзе. Вспомнился вкус борща, сваренного матерью. Мяса было не вдоволь, особенно ближе к весне, и вместо него борщ приправлялся выжар-

ками из сала. Такой борщ был иногда вкусней, чем со свиной. Вот и сейчас, уминая жареную картошку, Анатолий без зазрения совести в первую очередь выискивал вилкой вкусные шкварки, наслаждаясь ими и возникшими в памяти ассоциациями с материнским борщом.

Увидев, что гость управился с картошкой, хозяйка наполнила глубокую фарфоровую чайную чашку свежим чаем и поставила перед ним.

– Откуда ты, милай?

– Меня с поезда хулиганы выбросили, а Пахомыч подобрал и привёз сюда, в вашу деревню. А вообще-то я иностранный гражданин. Из Германии я.

– Чудишь ты что-то, дорогой. У нас тут близко железной дороги нету. Да и не верю я, что ты иностранец. Уж больно хорошо по-русски говоришь.

– Я же из России в Германию переехал. В русской школе учился и с детства по-русски говорил. В этом ничего странного нет. Для меня странно другое. Меня действительно выкинули из поезда, но не мог же я в беспамятстве уйти от железной дороги так далеко. Говорят, от вас до неё почти несколько десятков километров.

– Да-а, далековато она. А может, ты что-то запамятовал. Может быть, ты где-то здесь поблизости упал и головой ударился. Вот всё и выбило из мозгов.

Анатолий снова натолкнулся на непонимание. Никто не верил в его историю с поездом, и это неверие, естествен-

но, вызывало недоверие и подозрение к нему. Он опять мысленно приказал себе не вспоминать о железной дороге. Как-нибудь всё выяснится само собой. Только бы побыстрее капитан связался с районом или областью. Там, конечно, всё поставят на свои места. Надо только выждать. Он в который уже раз пожалел о потерянном телефоне.

– Дарья Петровна, скажите, есть тут где-нибудь телефон, чтобы позвонить?

– У Пал Ивановича есть, и у парторга.

– У вас что, и парторг ещё есть?

– А как же иначе? И парторг есть, и председатель колхоза. Правда, они сейчас на севе. Весна, всех на поля выгнали. И ко мне председатель приходил, а куда я со своим радикулитом и с такими ногами.

Женщина приподняла подол платья чуть выше колен и открыла огромные опухоли над коленными чашечками – под подолом их было не видно. Анатолия передёрнуло.

– Что ж вы с этой болезнью к врачу не идёте? Это же, наверное, лечится. Только не надо запускать.

– Да была я у нашей фельдшерицы. Прописала мне Нюра мазь. Когда очень сильно болит – сама мажу, или Нюра приходит. Легче делается.

– Мазью, мне кажется, эту болезнь не вылечишь. Здесь хирург нужен, а после операции – курорт.

– Ну да, откуда у нас здесь хирурги. Да и болит эта зараза не так уж и часто. Больше на погоду мозжит. Пущай будет.

На танцы же мне не ходить.

Она споро собрала со стола посуду в большую чашку, вымыла её остатком горячей воды из чайника и в заключение смахнула влажной тряпкой крошки с выцветшей клеёнки на столе.

– Спать будешь в зале, а я тут, в комнатёнке, устроюсь, – сказала хозяйка и показала на неприметный проём в стене недалеко от плиты.

Проём был без дверного полотна. Две ситцевые занавесочки, продёрнутые веревочкой, скрывали от постороннего взгляда находящуюся за ними комнатку. Потому Анатолий сразу и не приметил входа.

Следуя за хозяйкой, он прошёл в отведённую ему комнату. Большой квадратный зал был ярко освещён дневным светом из четырёх окон по правой и левой стенам. На противоположной от двери, глухой, висело несколько средней величины рамок с фотографиями. Большинство из них были черно-белыми и поблекшими от времени. Справа под окнами стояла железная кровать, аккуратно застеленная цветным покрывалом и с тремя подушками разной величины, сложенными горкой в изголовье. Под фотографиями стоял комод метра в полтора длиной со множеством дверок и выдвижных ящичков. В углу, чуть наискосок, уместился старый дубовый шкаф. Под окнами слева находился продавленный диван. Вдоль стен на свободных местах стояли несколько стульев с гнутыми ножками. Пол застилали две длинные,

связанные из лоскутков дорожки. Такие половички лежали когда-то у бабушки Анатолия в их доме. От взбитых подушек на койке, лоскутных дорожек, занавесочек с вышитыми цветочками на душе Анатолия стало тепло. Он вдруг почувствовал себя в далёком детстве, в родительском доме, где по утрам мать так же взбивала матрасы, застилала их цветными покрывалами и в головах коек красиво выстраивала пирамидки из подушек.

– Будешь спать на диване, – вывел его из прошлого голос хозяйки, – кровать разбирать не буду.

Она открыла шкаф, вытащила оттуда простыню, одеяло, подушку, заправленную в наволочку, и сложила всё на двух стульях возле дивана.

– А телевизора у вас нет, что ли? – удивлённо спросил Анатолий.

– Нету. Как сгорел два года назад, так я больше не покупаю. Да и не привозили их больше в наш магазин. Я к соседям хожу кино смотреть.

Телевизора нет, и радио Анатолий в этом доме тоже не видел и не слышал. Он представил себе, какая скучная жизнь ожидает его, пока будут выяснять где-то – то ли в районе, то ли в области – вопрос о его личности.

– Есть у вас хотя бы пару книг, почитать? – не видя ни одной, на всякий случай спросил он хозяйку.

– Книг нету, но несколько журналов лежат в сарае. Я принесу попозже.

Хозяйка вышла. Анатолий устал и к тому же опять начала побаливать голова. Обещавший принести вещи дед до сих пор не появлялся, и Анатолий решил прилечь и отдохнуть.

Он лежал на диване и разглядывал потолок. По всей длине потолка тянулось бревно, забеленное известью, на котором были прибиты маленькие чашечки для комнатной электропроводки. Лампочка в шестьдесят ватт свисала без абажура посередине комнаты. В противоположном от дивана углу белая крахмальная занавесочка скрывала что-то под собой, но встать и посмотреть, что там находится, желания у Анатолия не было. Постепенно им овладевала тоска. Вдруг остро захотелось домой, туда, в цивилизацию, где по телевизору непрерывно, по бессчётным программам идут интересные передачи; где из приёмников льётся любимая музыка; где слышен шум проезжающих машин, где с раннего утра и до позднего вечера открыты супермаркеты, наполненные различными товарами.

Внезапно вспомнился его бывший город, таким, каким он оставил его много лет назад, в год переезда в Германию. Казалось, он забыл то время, вычеркнул те годы из памяти, но сейчас картины прошлого всплывали и росли, как опухоль в мозгу. Вспомнился ближайший от его дома гастроном, где когда-то работало до двадцати продавцов. Но в то сумбурное время остались только двое. Большую часть дня они скучали у прилавков. Иногда заглядывали редкие покупатели, но, пошарив глазами по пустым полкам, по стел-

лажам, заполненным банками кильки в томате, расстроено уходили. Оживлённо в магазине было только тогда, когда привозили хлеб или молоко, но и это оживление быстро проходило, и опять наступала скучная и тягучая тишина. Ещё вспомнились вечера, когда он приходил домой и, боясь вопросов жены или детей, скрывался в зал, включал телевизор и смотрел утомительные и бесконечные сериалы «Рабыни Изауры» или ещё бог весть какие. А, впрочем, жена уже давно перестала задавать ему вопросы. Но её глаза продолжали спрашивать о насущном, в общем-то, банальном: когда будет зарплата? Как угнаться за галопирующей инфляцией? Где приобрести новые ботинки детям? На какие деньги купить мясо и необходимые продукты? И главный вопрос: когда ты – муж, отец семейства – перестанешь прятать своё бессилие в пьянстве?

С улицы слышались голоса. Кто-то без стука вошёл в дом. Похоже, двое. Скрипучий голос деда Анатолий узнал, а второй был незнакомым. Хозяйка недовольно заворчала, и в зал вошёл мужчина.

– Лежишь, бездельничаешь? – не здороваясь, упрекнул вошедший.

Анатолий поднялся, сел и демонстративно, отчётливо выговаривая каждую букву, произнес:

– Здрав-ствуй-те.

– Здорово, здорово, – ответил на приветствие незнакомец и продолжил: – У нас посевная в разгаре, каждая пара рук

на счету, а ты тут разлёгся.

Мужчина взял стул, поставил его напротив дивана, сел и в упор стал смотреть на Анатолия, видимо, ожидая какого-то ответа. Он был худ, лет шестидесяти, выпирающие скулы и чуть суженные глаза позволяли предполагать в нём татарскую кровь. Голос был грубым, громким и отчётливым. Таких людей хорошо слышно, даже когда они говорят шёпотом. Одет он был в строгий чёрный костюм, к рубашке повязан галстук, на ногах коричневые, запыленные от ходьбы по деревенским дорогам туфли.

Анатолий, не отводя взгляда, с удивлением смотрел на него. Пауза затягивалась. Первым не выдержал незванный гость:

– У нас колхоз, и каждый, кто здесь живёт, работает в колхозе.

– Вы кто такой? Нормальные люди, начиная разговор с незнакомыми, представляются. Я, к примеру, Анатолий Буман.

– Так ты из-за того, что я не представился, записал меня в ненормальные?! Немного поосторожнее с определениями. Я парторг колхоза. Звать меня Николай Ильич. Ты не ответил на мой вопрос.

– Вопрос о чём?

– Как о чём? Я же ясно сказал: сейчас посевная. Каждый, находящийся в это время на территории колхоза, работает. Тебе тоже надо выйти на работу.

– Какая работа? Сегодня суббота.

– Сейчас весна, посевная в разгаре. У нас в это время выходных дней не бывает.

– Я в колхоз не записывался. Ваш местный капитан госбезопасности обещал сообщить обо мне в район или область. Я думаю, там быстро разберутся и заберут меня из этого сумасшедшего дома.

Последней фразы Анатолию говорить было не надо. Он понял это, увидев вдруг сузившиеся до щелочек глаза парторга, в которых блеснул огонёк ненависти.

– Это где же сумасшедший дом? У нас в колхозе, что ли?

– Извините, может быть, я неправильно выразился. Просто всё, что здесь происходит, на мой взгляд, очень странно.

– Не знаю, что ты тут, у нас, увидел странного. Вот твоё появление здесь – это странно, и даже очень странно.

Анатолий хотел было в очередной раз рассказать, как он появился в этой деревне, но вовремя вспомнил, как реагировали прежние собеседники, и решил промолчать.

– Ни на какую работу в колхозе выходить я не собираюсь, – решительно заявил он. – Я сейчас должен быть на заводе в Барановичах. Скорее всего, меня уже ищут, и если вы собираетесь меня тут насильно задерживать, то у вас могут быть неприятности.

– Угрожаешь? Ну, ладно. Это мы ещё посмотрим, у кого будут неприятности.

Парторг вышел из комнаты, перекинулся парой слов с хо-

зыйкой, и его долговязая фигура промелькнула мимо окон. В соседней комнате скрипуче заговорил о чём-то Пахомыч. Анатолий встал с дивана и вышел в кухню. Его вещи лежали на стуле. Дед, по-прежнему вооружённый, сидел на табуретке и мирно беседовал с хозяйкой.

– Не надоело тебе, дед, в войну играть? – спросил Анатолий. – Оставил бы ружьё дома.

– Мне ружьё не мешает. Привык уже. Я уйду сейчас. Парт-орг разрешил домой пойти. Говорит, ты всё равно никуда отсюда не денешься.

– Вот и я тебе говорил: куда я из этой глуши уйду? Гулять-то мне по деревне разрешается? Здесь нет никаких секретных объектов в округе? – с улыбкой спросил Анатолий.

– Гуляй уже, – не поняв иронии, ответил Пахомыч и, обращаясь к хозяйке, добавил: – Пойду я, Дарья Петровна, мне ещё сегодня ночью склад охранять, моя очередь дежурить. Да, кстати, председатель сельсовета сказал, чтобы я тебе твой странный паспорт вернул.

Он протянул Анатолию паспорт с вложенными в него билетами на самолёт и сказал Дарье Петровне: «До свидания». Хозяйка, занятая у плиты, ничего не ответила. Старик несколько секунд постоял у дверей и вышел, привычно придерживая висевшее на плече ружьё. Анатолию вдруг вспомнился давнишний фильм, виденный им ещё в детстве: дед напомнил ему человека с ружьём из одноимённой киноленты. Он даже оглянулся с испугом, боясь увидеть вождя рево-

люции, но, кроме хозяйки, никого рядом не было. Анатолий засунул паспорт в боковой кармашек сумки и отнёс её в зал.

– Дарья Петровна, есть у вас в деревне магазин? – спросил, вернувшись в кухню.

– Да. Рядом с сельсоветом.

– А почта?

– Почта, родненький, тоже есть, но она закрыта на замок уже несколько лет. Нам не пишет никто, газеты только парт-орг получает. Ему их Пахомыч привозит. Парторг же и рассказывает о новостях на своих политинформациях.

– Да-а, интересная и насыщенная жизнь у вас в деревне. Я пойду погуляю, попутно зайду в магазин, куплю что-нибудь к ужину.

– Ну, иди, иди, касатик, – усмехнулась хозяйка, – может, что-нибудь и купишь.

На улице было тепло, но дело шло уже к вечеру, и он прихватил с собой на всякий случай лёгкую куртку.

Дни стали заметно длиннее. Солнце постепенно уходило за деревья, и его косые лучи выстреливали прямой наводкой в окна домов. Поймав случайный луч, они отсвечивали солнечными зайчиками на заборах и стенах противоположных домов. Золотистые пятна пробегали по почерневшим от времени крышам, по кустарникам, по зазеленевшей траве. Иногда потерявшийся луч бил рикошетом в глаза, и Анатолий прищуривался. Но игра лучей длилась недолго. За несколько минут, пока он не спеша шёл по улицам к площади, солн-

це окончательно скрылось за лесом, и только оранжево-красный тонкий край ещё пытался на мгновение задержаться над кронами деревьев. Но и он, в конце концов, исчез. Сразу стало прохладнее. Со стороны леса подул пронизывающий ветерок, и Анатолий накинул куртку.

Улица закончилась, и он вышел на маленькую площадь. В прошлый раз, когда опер и дед под охраной вели его к сельсовету, осмотреться времени не было. Теперь же он остановился под раскидистой липой и стал внимательно разглядывать деревенскую достопримечательность. В центре стоял памятник Ленину. Справа и слева от него были разбиты небольшие клумбы, на которых ещё ничего не цвело, зато набирали силу сорняки. Небольшой памятник был выполнен в «классическом» стиле. Одной рукой вождь пролетариата что-то удерживал в кармане брюк, другая была вытянута в том направлении, в каком, по его великому замыслу, должен был идти русский народ. Однако в той стороне, куда уверенно показывал вождь, солнце уже зашло, и оттуда же надвигалась холодная темнота.

Возле сельсовета на двух массивных столбах висела доска объявлений, а немного поодаль стоял ряд щитов наглядной агитации. О чём она сообщала, какие висят объявления, Анатолий решил посмотреть позже. Магазин, спрятавшийся в тени трёх могучих, уже распустивших листья дубов, он обнаружил справа, в начале другой улицы на противоположной стороне площади. Анатолий направился к нему.

Торговое заведение было ещё открыто, дверь – распахнута. Старая вывеска сообщала, что магазин принадлежал какому-то сельпо. Многие буквы, видимо, от обилия попавшей влаги расплылись или же напрочь скрылись под ржавыми водяными пятнами. Крыльцо от времени покосилось, и под провалившуюся сторону были подложены два гладких валуна. Анатолий ступил на крыльцо, оно жалобно скрипнуло, и подгнившие доски опасно прогнулись.

В магазине светилась под потолком единственная запыленная лампочка. Подождав несколько секунд, пока глаза привыкнут к сумрачному свету, Анатолий огляделся. Маленькое помещение магазина было разделено на две части прилавком. За ним на стуле сидела пожилая женщина и читала журнал «Крестьянка». Она не оторвалась от чтения даже тогда, когда Анатолий вошел и громко поздоровался, и только что-то буркнула в ответ. В памяти вдруг чётко всплыли магазины в его городе. Они неожиданно опустели, и полки заполнили товары, в принципе, не нужные в хозяйстве. Исчезло оживлённое движение покупателей. Только у гастрономов часами стояли пенсионеры и люди неопределённого занятия, ожидая появления какого-нибудь дефицита или спиртных напитков. Покупателей в то время в основном интересовали хлеб, спиртное и самая нехитрая закуска. На другие «роскоши» жизни, как колбаса, масло, конфеты, у ожидающих надежд уже не было. Эти «излишества» до гастрономов не доходили – они испарялись ещё со скла-

дов. Вот и в этом маленьком сельском магазинчике на полках стояли плоские банки тихоокеанской кильки, морской капусты и кабачковой икры. Сквозь стекло запыленных банок виднелись маринованные огурцы и помидоры. По мутному виду маринада в этих емкостях можно было догадаться, что срок годности их содержимого давно истёк. Отделённые самодельной картонной перегородкой от продуктов стояли бакалейные и галантерейные товары. Их ассортимент можно было пересчитать по пальцам: массивные чугунные сковородки, несколько оцинкованных вёдер, берёзовые веники с рассыпавшимися листьями и пригодные в хозяйстве только как веники для подметания дворов. Выше, на следующей полке, лежали навалом кроличьи шапки из плохо выделанных шкур, уже при транспортировке потерявшие свою форму и годившиеся только для пугала в огороде. Несколько рабочих брюк из ярко-синего материала были аккуратно сложены, но их давно никто не трогал с места, и поэтому материал на самых верхних штанах выцвел и резко отличался по цвету от нижних. На гвоздочках были развешены громоздкая деревянная скалка, алюминиевые шумовки с поварёшками и экзотически выглядывшие в век механизации хомут для лошадей и сбруя к нему. Рядом с пригвождённой к стулу продавщицей на деревянном настиле стояли открытые мешки с сахаром и мукой. В убогости магазина они выглядели даже странно.

– Других продуктов, кроме кильки, кабачков и испорчен-

ных помидоров, у вас нет? – с иронией спросил Анатолий.

Продавщица оторвалась от журнала, посмотрела изучающе на покупателя и, решив на глупые вопросы не реагировать, коротко бросила в ответ:

– Нет.

– Когда вы получаете свежий товар из района?

Покупатель стал явно раздражать продавщицу. Она со злостью захлопнула журнал, поднялась со стула, опёрлась двумя ладонями в прилавок и упёрлась взглядом в Анатолия.

– Пахомыч привозит товар по вторникам. Вам что нужно, гражданин?

– Колбасу, сыр и молоко к вам привозят?

Продавщица засмеялась, но глаза её зло смотрели на Анатолия.

– Привозили когда-то. Последний раз год назад. Я её по талонам продавала. Молоко вы можете в колхозе купить. Напишите заявление председателю, он вам отпустит с фермы.

Анатолий под взглядом «работницы прилавка» почувствовал себя маленьким проштрафившимся дураком. Но ему хотелось хоть что-то принести из магазина своей хозяйке, чтобы не быть нахлебником.

– Взвесьте мне хотя бы два килограмма сахара.

– Сахар только по талонам сельсовета.

– Ну хоть что-нибудь нормальное съестное у вас в мага-

зине можно купить?

– Вот, всё на виду, под прилавком товары не держу, – с раздражением указав на полки, сказала продавщица и спросила: – Вы будете что-нибудь покупать?

– Я бы купил «что-нибудь», но у вас покупать нечего.

– Ну так идите с богом, если ничего покупать не хотите.

Она повернулась и стала поправлять товары на полках, подчёркивая этим, что разговор с покупателем закончен. Подождав несколько секунд и поняв всю безнадёжность своей затеи, Анатолий, сказав «до свидания» и не получив ответа, вышел на крыльцо.

Вечерело, и стало пасмурней. За магазином начиналась ещё одна улица. Анатолий решил прогуляться по ней. Он шёл по пыльной дороге вдоль затемнённых домов. Свет ещё не включали, и казалось, что он идёт по заброшенному селу. Не тявкнула ни одна собака, не кукарекнул ни один петух, не замычала корова, не хрюкали свиньи в сараях. Он знал эти звуки по своему детству, которое прошло в селе. Они привычны в любой деревне. А в этом селе всё застыло в тишине, и жизнь, казалось, прекратила своё движение, и люди замерли в своих хатах, как в сказке о мёртвом городе. Не может быть деревни без этих звуков – в этом Анатолий был совершенно уверен. И гнетущая тишина, идущая от чернеющих в наступающем вечере домов, пугала. Он торопливо пошёл вперёд, решив всё-таки дойти до окраины села.

Улица повернула влево и оборвалась у крутого спуска

к маленькому ручью. В разные стороны от него уходили две протоптанных тропинки. Анатолий свернул влево и через несколько минут оказался в небольшой берёзовой рощице. Пройдя её, очутился на задах домов. Тропка вилась вдоль огородов, которые кое-где были недавно вспаханы, и чёрные пласты земли хаотично лежали в ожидании бороны или грабель. Он обогнул ещё одну небольшую рощицу, пересёк заросшую кустарником поляну и вышел в нескольких метрах от сельского совета.

Где-то сзади, за ручьём, послышался шум мотора. Анатолий остановился, прислушиваясь к звуку, повторяющемуся эхом в тишине. Внутреннее напряжение спало. Мелькнули на фоне закатного неба ищущие лучи фар, но машины было не видно. Только слышалось, как она, газуя на подъемах, то прибавляла скорость, то сбавляла её и где-то в середине села остановилась и заглохла. Послышались людские голоса. Немного погодя вдруг стали зажигаться огни в домах, мимо которых недавно проходил Анатолий. Он с облегчением пошёл дальше и вышел позади сельсовета. К зданию прислонился небольшой сарай, в котором лежали остатки угля и виднелись сложенные дрова. Анатолий обогнул тыльную сторону дома. Он знал, что сюда выходят два окна кабинета опера и, увидев, что они светятся, решил зайти, чтобы узнать, связался ли капитан с районом. Одно окно было открыто настежь, и из кабинета слышались громкие голоса. Прислушиваясь к разговору, Анатолий приостановился.

Подслушивать было не в его правилах, но насторожило, что кто-то громко произнес его имя. Говорящий продолжал:

– ... похоже, не понимает, где он находится. Ты действительно собираешься о нём сообщить в район?

– Мне что, делать нечего? Заставь его работать. Пошли к нему председателя колхоза.

– Я ему сам сказал, что он должен на работу выйти, так он мне ответил, что не собирается в колхозе работать. Слушай, ещё кто-нибудь знает, что он в нашем селе объявился?

– Фельдшерица, Пахомыч, Дарья Петровна, может быть, ещё пару человек.

– Отвези его на хутор и расстреляй там. А людям скажем, что отвезли в район. О том, что он в нашем селе находится, всё равно никто не знает.

– Посмотрим, что он ответит завтра председателю колхоза. Если откажется выйти на работу в колхоз – поставлю к стенке. У меня рука не дрогнет.

Кто-то подошёл к окну.

– Прохладно стало, – послышался голос опера, и окно захлопнулось.

Взволнованно дыша, Анатолий присел на лежащий возле угла дома камень. Разум не мог понять происходившее вокруг него. Испуганный мозг хаотично искал ответ на вопрос: что делать? Что делать? Как быть? Что это было? Как это возможно? Испуг проникал в душу, парализуя мозг, мышцы напряженно подрагивали. В шоке, не двигаясь, он про-

сидел несколько минут. Затем усилием воли заставил себя подняться с камня, боясь, что собеседники в кабинете обнаружат его, и в панике быстро пошёл назад по тропинке. От быстрой ходьбы хаотичная пляска мыслей прекратилась, но нормально соображать он был ещё не в состоянии.

Не фиксируя бегущее время, Анатолий достиг конца улицы, прошёл по ней к площади, свернул в свой переулок и, неожиданно поняв, что дошёл до нужного дома, чуть ли не бегом взлетел на крыльцо, рывком открыл дверь и торопливо вошёл в дом. Дарья Петровна удивлённо глянула на запыхавшегося постояльца.

– Никто обо мне не спрашивал? Никто не приходил?

– Да нет, не было никого. Чай пить будешь?

Чувствуя, как мелко дрожат ноги, Анатолий опустился на табуретку у стола.

– Я попью чаю. Есть у вас что-нибудь к чаю?

– Сухари вон на подоконнике в вазе. Варенье есть вишнёвое.

Она поставила чашку и включила плиту, на которой уже стоял наполненный чайник. Ожидая, пока закипит вода, спросила:

– Что случилось, почему такой испуганный пришёл?

Анатолий, однако, решил ничего не говорить хозяйке о подслушанном разговоре. Кто его знает: может быть, она заодно с этими людьми.

– Да так, ничего особенного, – ответил он сдержанно

и спросил: – Где все жители села? Почему на улицах нет ни взрослых, ни детей?

– Женщины почти все, кроме больных, на колхозных огородах овощи сажают, мужчины – на севе. Детей в колхозе мало. Недавно дочка Страшненко родила неизвестно от кого. Школьники в интернате. У нас своей-то школы нет. А остальная молодёжь, кто повзрослее, в город подалась. Да и немного-то у нас молодёжи. Двое учатся, один служит, троем разрешили уехать из колхоза – вот и вся молодёжь.

Закипел чайник. Хозяйка налила в бокал кипяток, добавила из маленького заварного чайничка заварки и поставила перед Анатолием.

– А кто у вас председатель колхоза?

– Андрей Поликарпович. Он уже лет сорок здесь председателем.

– Не может быть. Сколько же лет ему сейчас?

– Уже за семьдесят. В прошлом году юбилей отмечали всем колхозом.

– Он же давно должен быть на пенсии.

– Да он сам не хочет на пенсию. Жена умерла лет пятнадцать назад, сын уехал. Один вдовствует. Вот и согласился и дальше быть председателем.

– А кто у вас тут самый главный: председатель колхоза, парторг, капитан или председатель сельсовета?

– Председателя колхоза уважают, а вот парторга и капитана боятся. Председатель сельсовета, что парторг скажет, то

и делает.

– В общем, демократия, – съязвил Анатолий.

Хозяйка, похоже, не поняла его сарказма. Она убрала со стола посуду, собрала влажной тряпкой крошки, и сказала:

– Я пойду отдыхать.

Прихрамывая опухшими ногами, она ушла.

Сорокаваттная лампочка тускло светила под потолком. На улице темнело. Занавеска была задёрнута неплотно, и Анатолий в страхе подумал, что за ним с улицы, может быть, кто-нибудь следит. Он торопливо поправил занавеску и остался в задумчивости сидеть у стола. Страх вновь стал овладевать им. И чем больше вырастал страх, тем труднее было трезво о чём-нибудь размышлять. Анатолий принялся мысленно уговаривать себя успокоиться, потом встал и пошёл в зал. Ложиться спать было ещё рано. Да и не хотелось спать. Взволнованный подслушанным разговором, он вряд ли сумел бы заснуть в такую рань, но всё же взял со стула постельные принадлежности и не спеша, надолго замирая в неподвижной задумчивости, расправил на диване простыню, взбил и уложил в голове подушку, заправил одеяло в пододеяльник, разгладил ладонью появившиеся кое-где крупные складки и, когда убедился, что всё ко сну приготовлено, сел на краю дивана.

Заправка постели отвлекла, страх ушёл куда-то вглубь души, но сидящее занозой беспокойство и предчувствие

какой-то беды мешало на чём-нибудь сосредоточиться. Нестерпимо захотелось выпить. Такой тяги к спиртному Анатолий не чувствовал с тех пор, как в период развальной экономики пристрастился к пьянству. В те времена он после очередного, проведённого в пьяном угаре дня, уже с утра начинал искать возможность где-нибудь остограммиться. Опохмелившись и найдя случайную работу, после расчёта за труды, с такими же растерявшимися и потерявшими себя в этом хаосе людьми шёл в закусочную и опять заливал здоровое сознание алкоголем. Вот и сейчас непреодолимая тяга к спиртному вдруг проснулась в нём и, как у алкоголика, сверлила настойчиво в мозгу. Даже беспокоившее предчувствие беды исчезло. Остался только этот похмельный синдром.

Устав бороться против зовущего, назойливого желания немедленно выпить, он встал, вернулся в кухню и, остановившись посередине, настороженно прислушался. Из комнаты хозяйки не было слышно ни звука. Анатолий пересилил свою стеснительность и громко позвал:

– Дарья Петровна!

Он откинул занавеску и заглянул в её комнату. Дарья Петровна сидела у небольшого столика, на котором стояла старомодная лампа с абажуром. Она испуганно повернулась, одновременно закрывая лежавшую перед нею толстую книгу. Анатолий успел прочесть часть названия и понял, что хозяйка читала библию. Очень удивившись этому, он тем не менее ничего не сказал.

– Дарья Петровна, есть у вас что-нибудь из выпивки? Мне надо обязательно нервы успокоить. Хотя бы грамм сто – сто пятьдесят водки?

Хозяйка тяжело встала со стула и, ничего не говоря, пошла к шкафу, стоявшему в ногах железной койки, открыла скрипнувшую дверцу и достала с верхней полки запечатанную бумажной пробкой бутылку с мутноватым содержимым. Так же молча она прошла мимо Анатолия в кухню, взяла из буфета гранёный стакан и наполнила его.

– У меня только самогон. Пей, если не брезгуешь.

Запах был резкий и неприятный, но тяга к выпивке пересилила отвращение к самогону, и Анатолий торопливым движением, словно боясь, что хозяйка раздумает, схватил стакан и опрокинул содержимое в рот. Дарья Петровна, глядя на него с любопытством, достала из холодильника нарезанное сало и поставила перед Анатолием. Он закусил и облегчённо сел на стул. По телу начала разливаться истома. Напряжённые мышцы расслабились, и ему стало вдруг хорошо и спокойно.

– Алкоголик, что ли? – продолжая так же с любопытством смотреть, спросила хозяйка.

Анатолий не знал, что ответить.

– Дарья Петровна, вы кем до пенсии работали? – спросил, чтобы самому не отвечать на вопросы, ответы на которые он теперь не мог найти.

– Учительницей начальных классов.

– Так у вас же школы тут нет.

– Была раньше начальная школа. Когда детей мало осталось, закрыли. Но я не здесь работала. А почему ты спрашиваешь? Увидел у меня Библию на столе?

– Да. Насколько я знаю, учителя всегда были атеистами.

– И я была атеисткой. Эта Библия моей бабушки, а ей она досталась от её матери. Семейная книга. В последнее время я заглядываю в неё всё чаще и чаще. Раньше только картинки в ней разглядывала, а когда работы не стало, со скуки начала читать. Я думаю, в каждом человеке внутри есть место, где прячется вера во что-то светлое и надёжное. До поры до времени эта вера спит. Сейчас, читая Библию, я и на мир смотрю другими глазами, и свою жизнь по-другому оцениваю. Не всё, конечно, мне понятно в этой книге. Жаль, что нас не учили раньше закону божьему. В своё время извели попов, вот теперь не с кем и поговорить, если какие-то сомнения в душе возникают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.